Интернет-Журнал

ИБИС

Альманах

№ 42

- Этика
- Эзотерика
- Литература
- Философия
- Медицина
- Наука

В Древнем Египте один из аспектов бога Тота изображался с головой птицы ибис, с пером и табличкой писца, и птица ибис стала считаться священным писцом богов, записывавшим мысли, слова и деяния людей и взвешивавшим их на весах. В дальнейшем она стала символом мудрости бога Тота, его проницательности и чистоты. Треугольные крылья ибиса символизируют первую геометрическую фигуру и триипостасность тайны. Ибис также символизирует человеческий аспект бога Тота — Гермеса Трисмегиста.

Редактор,
бывший жрец храма Амона-Ра
в Древнем Египте при Тутанхамоне,
бывший первосвященник Дании и Швеции,
бывший священнослужитель монастыря в Пиренеях,
бывший священник католического костёла в Польше,
и т.д., и т.п.

Интернет-журнал "Ибис" № 42/2001

Содержание:

Номер файла:

- ***1-я страница обложки*** **01**
- ***2-я страница обложки*** **02**
- ***Эпиграф к журналу*** **03**
- ***Сначала прочтите это*** **04**
- ***Портрет*** **05**

- **Основы Бытия через ясновидение —** *А.Метельский* **06**
- **Настоящая литература!** *Анат. Рыбаков,* **"Прах и пепел" —** *повесть о временах сталинизма. Глава 26* **07**
- **Нравы правоохранителей Украины:** *Андрей КУДИН,* ***«Тюрьма»*** *(публикация книги)* **08**
- **1001 случай криминала:** *легко усматривается эзотеричность* **09**
- **Главы из новой книги крупнейшего джазмена России** *Алексея Козлова* **«Козёл на саксе»** **10**
- **"Оккультный мир"** *(выдержки из книги) — А.Синнет (1881)* **11**
- **Пятая беседа опытного оккультиста с начинающим** **12**
- **"Альтист Данилов"** *(глава 39)* **13**
- **Продолжение "Альтиста Данилова": "Шеврикука, или Любовь к привидениям"** *(глава 26)* **14**
- **Сатирофантазия Татьяны ТОЛСТОЙ "Кысь": о нашем времени и ближайшем будущем?..** (*продолжение*) **15**

- **Стихотворение — Иосиф БРОДСКИЙ, лауреат Нобелевской премии** **16**

- ***Философема*** **17**
- ***Цитата номера*** **18**
- ***3-я страница обложки*** **19**
- ***4-я страница обложки*** **20**

"Самого себя как целого можно достичь только если полностью понимаешь, что обычный мир — это просто точка зрения, независимо от того, принадлежит ли она обычному человеку или магу.

* * *

После целой жизни борьбы я знаю, что по-настоящему важным является не просто научиться новому описанию мира, но прибыть к нему целым: следует прибыть к нагуалю, не покалечив тоналя, и превыше всего — не покалечив своего тела."

Дон Хуан

(К. Кастанеда, "Сказки о силе")

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ:

Каждой рубрике журнала обычно соответствует её постоянная картинка, расположенная слева от названия и в той или иной степени отражающая содержание этой рубрики. Например, изображение кадуцея придано рубрике "Медицина", изображение строения атома — рубрике "Наука", и так далее. Но иногда названия рубрики вынесены в верхний колонтитул и картинку имеют стандартную — трёхлепестковое пламя над чашей. Поэтому если вместо картинки при рубрике вы увидите что-то другое, значит, стоящая на Вашем компьютере версия Виндоуза или Ворда не та, или таких рисунков в Вашей машине нет, или что-то ещё, и т.п. Мы, со своей стороны, всё проверяем — и не хуже военной приёмки...

Ниже примеры стандартных рисунков при стандартных рубриках, которые (рисунки) могут быть не видны: № 1 — золотой христианский крест; № 2 — красный автомобиль скорой помощи и кадуцей.

№ 1:

№ 2:

В папке FONTS или в файле «шрифты» прилагаем некоторые применённые нами шрифты и советуем их загрузить в папку FONTS Вашего Виндоуза.

Желаем чёткой работы.

Портрет главного редактора…

О некоторых основных вопросах

Проблемы Бытия через ясновидение

(продолжение)

Андрей МЕТЕЛЬСКИЙ

ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНЫЙ ТРАКТ (ЖКТ) я знаю лучше всего, и если не восстановить все его уровни, то нормальная его работа не наладится. На оранжевом его уровне видна тумбочка с ящиками, в которых лежат все цвета. Это вещества, обеспечивающие работу пищеварительной машины, и физиологически они, возможно, связаны с ферментами. Размеры тумбочки определяют потребность в питании, а её неповреждённость или разрушенность отражаются на состоянии кожи, волос, слизистых оболочек.

На красном слое — бак с красной жидкостью; это часть нижнего плана души. Аналогичны и функции этого уровня: он определяет плотские потребности, температуру тела, кровоснабжение. При очень высокой температуре жидкость в баке высыхает, поэтому не хочется есть.

На синем слое находится пищеварительная машина со своим хозяином, который занимается в основном ею. Она чем-то напоминает

прямоугольную стиральную машину. Этот план прямо связан с процессами пищеварения, но в то же время имеет отношение к физиологии речи, обеспечивает чёткость произношения.

Затем на жёлтом слое виден домик главного администратора, о котором я уже говорил. Дом должен быть целым, — это напрямую связано с работой волевого центра.

На голубом слое (90 тыс.) — круглая сфера, напоминающая арбуз, разрезанный на дольки, только дольки всех цветов. Здесь хранятся продукты переработки пищи, питательные вещества. Этот план особенно связан с головой, со слухом, обеспечивает питание мозга. В психологическом отношении определяет приветливость и доброжелательность в общении.

На оранжевом слое (110 тыс.) — круглая этажерка с несколькими полочками, на которых стоят рюмочки с жидкостью разных цветов. Этот уровень связан с обонянием, в том числе и психологическим, — обеспечивает, как говорится, «нюх на людей», поэтому участвует в работе интуитивного канала.

Затем на красном слое (150 тыс.) располагается грядка с овощами — самая обычная грядка с морковью, редиской, репой, луком и т.п. Это уже вторичная продукция нашего организма, исходным материалом для которой служат продукты переработки пищи. Физиологически этот план связан с грудными железами, а психологически — с поддержанием

вкуса к жизни, любопытством, здоровым аппетитом (при условии, если он развит в меру). Если же грядка слишком большая, то аппетит перерастает в обжорство, любопытство становится чрезмерным — до сплетничанья и т.д.

На оранжевом слое (160 тыс.) — парники с огурцами, перцем, баклажанами и другими тепличными культурами. Физиологически этот план связан с желудочным соком, а психологически — с чувством стыдливости: пониженная кислотность снижает стыдливость, а повышенная повышает.[1]

Следующий план на зелёном слое (190 тыс.) выглядит как круглая тарелка, разделённая на сектора, в которых лежат разные фрукты. Он регулирует степень разнообразия питания и больше зависит от прошлого души, чем от воспитания, полученного в этой жизни. В психологическом отношении связан со скупостью и щедростью, способностью ответить на помощь.

На частоте 210 тыс. (фиолетовом слое) — нечто вроде города. Вернее, в норме это должен быть небольшой уголок города с улицей и одним домом типа склада, где хранятся припасы для всего организма и живут два хозяина. Однако часто город сильно разрастается, там появляются какие-то дополнительные нахлебники, паразиты, любящие покормиться за

---

[1] Для сравнения см. статью академика С.Г.Семёнова в номере 2 журнала. (— *Ред.*)

чужой счет. Это разновидность вампиризма, сказывающаяся на микрофлоре кишечника (чем больше домов — тем больше застойных процессов) и порождающая склонность к лени — кстати, один из распространённых видов колдовства, когда хотят помешать человеку работать. Мне однажды нагородили аж 84 дома…

На частоте 230 тыс. (голубом слое) находится та самая страна с деревом, рекой и барашками, с описания которой я начал эту главу. В психологическом плане она определяет осознание сферы активности, масштабов своей деятельности, позволяет соразмерять, что тебе по плечу, а что нет, что ты должен и что не должен делать.

И наконец, на частоте 240 тыс., на серебристом слое, виден фонтан типа чаши на ножке. Здесь идет главный очищающий поток по физиологии. А в психологическом плане он определяет творческий потенциал, жизненную активность души.

ОРГАНЫ ЗРЕНИЯ И СЛУХА располагаются на довольно низких частотах и поэтому исправлениям с помощью тонких методов поддаются с трудом, особенно в зрелом возрасте. Но длительной самостоятельной работой можно добиться изменений и здесь.

Зрительный аппарат устроен довольно просто. На нижних слоях повторяется в разных цветах одна структура — трубочки типа

калейдоскопа с зеркалом на конце. На белом слое видна такая же трубочка, но только из разноцветных кристаллов. Затем идут по две чаши с хрусталём, серебром и золотом на соответствующих слоях. Внутри бывают разные загрязнения, могут быть даже вбиты гвозди или копья и т.п. Всё это надо устранять и промывать в соответствующих цветах через день или два в течение 2-3 месяцев.

Слуховой аппарат имеет довольно сложное механическое строение, и его даже трудно описать со всеми подробностями. Наиболее простой план на оранжевом слое выглядит как прямоугольная коробочка, через которую проходит ниточка к ушам. На ней две пластины, а посередине перегородка.

Высший план слуха на голубом слое (90 тыс.) связан с музыкальными способностями. Он видится как полая сфера, внутри которой протянута ниточка с висящими на ней разноцветными колокольчиками. Абсолютный слух обеспечивают 7 колокольчиков, а 3-4 колокольчика дают средний слух. Даже у многих профессиональных музыкантов по 5-6 колокольчиков. У Евгения Мравинского их 6, у дирижёра Юрия Темирканова и у покойного Альфреда Шнитке — по 7. Понятно поэтому странное на первый взгляд высказывание композитора Гии Канчели (в августе 2001 года в интервью радио «Свобода»), что у него (Канчели) слух средний и даже, может быть, плохой.

Есть ещё одна важная деталь, которая отражается на слухе, хотя и не связана со слуховым аппаратом. Её нарушение, судя по всему, довольно частое явление, потому что ко мне не раз обращались с жалобами на шум в голове. Чаще всего это бывает связано с маленьким насосом типа мотоциклетного в передней части головы, вверху лба (частота 70 тыс.). Это регулятор давления. Наверху ручка заканчивается двумя усиками. От ударов или загрязнений этот тонкий механизм может сломаться. Лечится он через святого Андрея Первозванного. Ему надо или помолиться самому с конкретной просьбой — починить насосик, — или, если не надеетесь на свои молитвы, заказать в православной церкви специальный молебен о здравии этому святому с мысленной просьбой избавить вас от шума в голове.

Вообще в голове на разных частотах располагаются важные руководящие центры, обеспечивающие работу различных систем организма. Там есть пластинка, отвечающая за работу иммунитета, есть пробирочка, связанная с аллергией (если она загрязняется, появляются аллергические реакции) и т.п. образы. Но эту систему я пока знаю плохо.

*** * ***

Кроме общих, у каждой души есть множество индивидуальных образов буквально по любому свойству характера. Есть образы, обеспечивающие доброту, отзывчивость, чуткость, деликатность; есть даже образ юмора; есть образы материального благополучия, и т.п. Когда они поражаются, люди теряют свои лучшие качества. Существуют и образы отрицательных качеств, — хотя, как выяснилось, мера есть всему. Так, например, гонор в небольшом количестве необходим, и видится как детские погремушки: в норме их должно быть 10-12. Если их больше, это качество становится неприятным, вызывающим; если меньше — человек позволяет попирать себя, не умеет защитить свои права; и, как я, кажется, уже сказал выше, Высшей Моралью это осуждается и вменяется человеку в (отрицательную) карму. Есть также и качества, которым мера не нужна. Так, например, доброта расцветает белыми цветочками в сердце, и чем их больше, тем лучше.

На этом описание образов души я закончу и в следующем номере, даст Бог, перейду к описанию смысла жизни человека, анализу причин его страданий и рассмотрению путей выхода из нынешнего общечеловеческого неблагоприятного состояния.

(продолжение предполагается)

Анатолий РЫБАКОВ

Прах и пепел

Повесть о временах сталинизма

От редакции: вниманию читателей предлагается НАСТОЯЩЕЕ произведение, созданное НАСТОЯЩИМ писателем и НАСТОЯЩИМ интеллигентом, и уж кстати — настоящим москвичом. Анатолий Наумович Рыбаков известен по многим написанным им прекрасным книгам, начиная от "Кортика" и кончая "Детьми Арбата". В данном произведении продолжают действовать, наряду с другими, уже ставшие взрослыми персонажи "Детей Арбата".

Москвич с Чистых Прудов

Продолжение.

Молотов - тугодум, может промедлить, а медлить нельзя. Гитлер намерен оккупировать Польшу до осеннего бездорожья, значит, должен урегулировать свои отношения с Советским Союзом. Теперь не ОН, а Гитлер будет искать пути к соглашению и пойдет на уступки. ОН не заставит Гитлера унижаться, унижения человек не забывает и при первой возможности мстит. Но ОН покажет Гитлеру, что отлично понимает его ходы. Это будут переговоры между руководителями двух сильнейших держав, между людьми, интересы которых совпадают.

СССР и Германии противостоят Англия и Франция. Эту концепцию ОН высказал десять лет назад, и теперь она полностью подтвердилась. Гитлер сокрушит Польшу за месяц-два. А вот если Франция и Англия ввяжутся в войну с Гитлером, это надолго. Первая мировая война продолжалась четыре года, эта продлится еще дольше. Они истощат себя в борьбе, а за это время СССР станет самой грозной военной силой, и ОН будет диктовать изнуренной войной Европе свои условия.

По ЕГО указанию советник советского полпредства в Берлине Астахов посетил Мининдел Германии и имел беседу, смысл

которой сводился к тому, что в вопросах внешней политики у Германии и Советского Союза нет противоречий.

Через неделю германский посол Шуленбург заявил Молотову: "Пора оздоровить отношения между Германией и СССР. При решении польского вопроса русские интересы будут учтены. Англия не может и не хочет оказать помощь СССР, она заставит СССР таскать каштаны из огня". Заявление хорошее. Но в Берлине Астахову сказали: "Если СССР хочет встать на сторону противников Германии, то германское правительство готово к тому, чтобы стать противником".

Это звучит угрожающе. Такого тона ОН не потерпит. Гитлер нервничает, до нападения на Польшу осталось три месяца, но нужно владеть своими нервами. Гитлер истерик. После того как Гинденбург привел его к присяге как канцлера Германии, заплакал. Чувствительный немчик. И в "Майн Кампф" пишет, что, узнав о ноябрьской революции 1918 года в Германии, тоже заплакал. Заплакал, приехав в Вену после присоединения Австрии к Германии, растроганный возвращением на родину. Крокодиловы слезы, конечно. Не пьет, не курит, вегетарианец. И спокойно пускает под нож тысячи людей. Натура неуравновешенная. Но с НИМ ему придется взвешивать слова.

Сталин приказал Молотову прекратить политические переговоры с Германией, требовать прежде всего подписания торгового

соглашения. На такую тактику Молотов мастер. Волынить, затягивать - его стихия, его натура. В июне и июле все попытки немцев продолжить политические переговоры наталкивались на холодную сдержанность Молотова, требовавшего подписания торгового соглашения. И только 22 июля советская пресса опубликовала наконец сообщение: "Возобновились переговоры о торговле и кредите между германской и советской сторонами".

И наконец, через пять дней, Астахов прислал отчет о беседе с ведущим немецким дипломатом Шнуре, которая состоялась 25 июля в Берлине, в отдельном кабинете фешенебельного ресторана "Эвест". Надо думать, хорошо поели, дипломаты любят изысканную пищу, большие гурманы, тем более пьют и едят за государственный счет.

Шнуре от имени фюрера заявил: "Германская политика направлена против Англии. Это решающий фактор. С нашей стороны не может быть и речи об угрозе Советскому Союзу. Несмотря на все различия в мировоззрении, есть один общий момент в идеологии Германии, Италии и Советского Союза: противостояние капиталистической демократии. Что может Англия предложить России? Ни одной устраивающей Россию цели. Что можем предложить мы? Понимание взаимных интересов, отчего обе стороны получат взаимную выгоду".

ЕГО тактика оказалась правильной. Главная забота Гитлера, чтобы ОН не договорился с Англией. Но что конкретно он предлагает?

Сталин продиктовал телеграмму Астахову: "Если немцы искренне меняют вехи и действительно хотят улучшить отношения с СССР, то они обязаны сказать нам, как они конкретно представляют это улучшение. Дело зависит здесь целиком от немцев".

Телеграмму подпишет Молотов. Но это телеграмма не дипломата. ЕГО текст. Гитлер это поймет.

Гитлер понял, и Гитлер торопился. Ответ был таков:

"От Балтийского до Черного моря не будет проблем. На Балтике хватит места обоим государствам. Вопрос с Польшей немцы урегулируют в течение недели. Если русские пожелают, то Германия заключит с ними соглашение о судьбе Польши".

Седьмого августа на ЕГО стол легло донесение разведки: "Начиная с 20 августа следует считаться с началом военной акции против Польши".

На следующий день явился Ворошилов со срочным докладом: в Монголии, в районе реки Халхин-Гол, японцы сосредоточили для генерального наступления войска под командованием генерала Камацубары.

Угроза войны на два фронта, то, чего ОН опасался больше всего, становилась реальной.

- О Халхин-Голе будешь докладывать по мере развития событий, - сказал Сталин. - Как переговоры с английскими и французскими военными представителями?

- Переговоры начнутся завтра. Главная трудность: Польша отказывается пропустить через свою территорию наши войска. Не можем же мы на коленях умолять Польшу, чтобы она приняла нашу помощь.

- Англия и Франция, - сказал Сталин, - рассчитывают на то, что, оккупировав Польшу, Германия выйдет к нашим границам и эта близость подтолкнет Гитлера к агрессии против СССР. Они не задумываются над тем, что Гитлер может броситься не на нас, а на них. Ну что ж, попробуем еще раз их в этом убедить. Посмотрим, что дадут твои переговоры с их военными представителями. Вряд ли они образумятся.

Он говорил с сильным грузинским акцентом, ударяя ребром ладони по столу.

Ворошилов сидел тихо, боялся каким-нибудь неловким движением вызвать гнев товарища Сталина.

- Начинай переговоры, держись твердо, а там посмотрим, - заключил Сталин.

(продолжение предполагается)

Андрей КУДИН

КАК ВЫЖИТЬ В ТЮРЬМЕ

Предисловие редактора

«Как выжить в тюрьме», может знать только тот, кто долго там был. Упаси нас Господь от этой доли — осмелюсь я возразить общеизвестной поговорке.

Художественной ценности книга А. Кудина не представляет, и мы публикуем её только как зарисовку современных нравов на (или «в»?) Украине, а также потому, что сейчас конец лета и интересные авторы с их возможными статьями — в отпусках.

*** * ***

Пока "объект" не созрел и продолжает упрямо молчать, следователь не показывается, а дежурный по райотделу рассеянно чешет затылок и на вопросы обеспокоенных родственников никак не может внятно ответить - есть такой-то среди задержанных или нет. Это выяснится несколько позже, после того, как с объектом поработают "как надо".

Черновая и по сути наиболее грязная работа ложится на плечи оперативников, гордо именующих себя органами дознания. Сами по

себе они невероятно трусливы. Им нравится корчить из себя героев, когда они толпой измываются над безоружным и к тому же закованным в наручники арестантом. По лицу стараются не бить, предпочитают наносить удары по мягким частям тела, чтобы не оставлять следов. Такое общение с "объектом" они называют "беседой".

Непременным атрибутом "бесед" является резиновая дубинка, которая выглядит совершенно безобидно рядом с деревянными битами для бейсбола. В бейсбол на Украине не играет никто, но сотрудников правоохранительных органов это отнюдь не смущает. Деревянной битой чрезвычайно удобно наносить удары по позвоночнику, в область сердца и по почкам, к которым мусорята питают особую слабость. Удары по голове наносят достаточно аккуратно, целясь по темечку и затылку, предварительно положив на голову толстую книгу, дабы случайно не раскроить череп "объекту" и не испачкать преступной кровью благородный милицейский мундир. Для этой цели как нельзя лучше подходит уголовно-процессуальный кодекс с комментариями - книга толстая, в твердом переплете. У ментов она всегда под рукой. Складывается впечатление, что УПК издали специально для того, чтобы гуманоидам было легче "беседовать" с заключенными.

Как показывает практика, менты не отличаются оригинальностью и

изобретательностью. В разных городах Украины во время "бесед" применяются одни и те же методы убеждения, среди которых наибольшей популярностью по-прежнему пользуются подвешивание "объекта" на лом и "ласточка".

Подвешивание подкупает простотой и эффективностью. "Объект" с закованными за спиной руками подвешивают на торчащий из стены лом. В результате, под собственным весом, выворачиваются плечевые суставы. Время от времени стражи правопорядка проверяют дубинками - на месте ли почки, печень и селезенка. Обычно человек висит в таком положении несколько часов, иногда - около суток.

Упражнение под названием "ласточка" представляет собой слабое подобие известного йоговского упражнения. Руки и ноги "объекта" выворачивают назад и сковывают наручниками. В простом варианте "объект" неподвижно лежит на полу, в более сложном - болтается, подвешенный под потолком, с проломленной грудной клеткой. Что касается пальцев, то их ломают крайне редко, а если и ломают, предварительно зажав в дверной проем, то только на левой руке, потому что правой "объекту" ещё нужно будет подписать протокол допроса. Так что о почерке можешь не беспокоиться.

Homo sapience никогда не отличались терпением, особенно в тех случаях, когда нужно терпеть боль. Большинство заключенных

мгновенно во всем признаются и подписывают любые бумаги, лишь бы от них отвязались. Их логика такова: "Сейчас признаюсь, а потом откажусь. В суде во всем разберутся и меня выпустят на свободу".

Наивные глупцы! Неужели непонятно, что потом будет поздно? В суде никто разбираться не будет. Суды завалены делами, а судебные заседатели работают в таких условиях, что физически не в состоянии ознакомиться с написанным в бесчисленных томах уголовного дела. Председатель суда, как правило, смотрит на первые показания, данные во время предварительного следствия, и отталкиваясь от них, выносит приговор. На изменение показаний судьи смотрят исподлобья и воспринимают их не иначе как "попытку арестованного уклониться от заслуженного наказания".

Кстати, по поводу признаний. Чем больше "объект" будет признаваться - тем больше его будут бить и калечить, потому что, подписывая всё подряд, он тем самым оправдывает преступные действия гуманоидов в форме по отношению к самому себе. Ведь одно дело изуродовать преступника, который во всем признается и раскаивается в содеянном, и совершенно другое - невиновного человека.

Любители чистосердечных признаний, сами того не понимая, обрекают себя на новые мучения и новые пытки. Мусора рассуждают примерно так: раз они нажали на "объект" и он начал колоться, то если поднажать посильнее,

он расколется ещё больше. Вот и продолжают свистеть над чьей-то не в меру хитрой головой дубинки и кто-то сопливым голосом визжит, словно недорезанная свинья: "За что? Я ваш! Я всё рассказал!".

Слава Богу, ты не из тех. Ты продолжаешь молчать и не спешишь подписывать что попало. Естественно, оперативники торопят тебя. У них есть свои совершенно конкретные сроки, и если они не уложатся в отведенный им промежуток времени, то начальство по головке их не погладит. Вот менты и бесятся, делая всё для того, чтобы ты наконец-то заговорил, не опомнился, не стал думать. Как только человек начинает анализировать происходящее - прессовать его становится намного труднее.

Если вдуматься, то признаться ты успеешь всегда, но зачем? Чего ты этим добьешься? Во-первых, как мы уже только что говорили, от тебя не отцепятся, а навалятся с удвоенной силой. Во-вторых, чистосердечное признание смягчает вину, но удлиняет срок содержания под стражей. Надеюсь, тебе не надоела свобода? Или ты хочешь узнать, что такое тюрьма? Так закройся вместе с бомжами в ближайшем подвале и сиди, как дурак, на голодном пайке!

Шучу. Не злись. Я смотрю, тебе уже не до смеха. Видно, ты таки здорово влип, если слуги вечно пьяной Фемиды решили сравнить, что прочнее - деревянная бита или твоя голова. К сожалению, бита будет чуточку крепче. Поэтому

нечего ждать, когда тебя сделают похожим на порубленного саблями красноармейца, с которым Павка Корчагин бегал по бараку в кинофильме "Как закалялась сталь". Хватайся за сердце, пускай слезу, теряй сознание - делай что угодно, но убеди гуманоидов, что:

- они перестарались, забив тебя до смерти, пока они на самом деле не сделали этого;

- ты в таком состоянии, что давать показания физически не можешь, даже если бы и хотел;

- калечить тебя бессмысленно и в будущем чревато неприятными последствиями для палачей.

Ещё раз подчеркиваю: у тебя задача одна - не сломаться. Ничего страшного не произойдет, если в твой адрес прозвучит краткое содержание словаря нецензурных слов. Слушай гуманоидов как радио. Ты ведь не споришь с динамиком до хрипоты и не кидаешь в телевизор вазу с цветами, когда видишь на экране физиономию всеми любимого президента.

Что поделаешь - жизнь и впрямь похожа на шахматную доску. Одно неосторожное движение - и ты в черной клетке. Помнишь, как писал Омар Хайям?

"Мир я сравнил бы с шахматной доской:
То день, то ночь... А пешки? - мы с тобой.
Подвигают, притиснут - и побили.
И в темный ящик сунут на покой."

М-да... Не сильно изменился мир за последнюю тысячу лет. Думаю, что в перерывах между допросами у тебя будет время подумать на данную тему.

Глава 2. КАК ВЕСТИ СЕБЯ ВО ВРЕМЯ ДОПРОСА

"...Вода была жизненно необходима - чтобы утолить жажду, смыть после себя нечистоты, помыться и постирать нательные вещи. И всё это на крохотном пятачке внутри камеры размером в два с половиной шага в ширину и три в длину...

... в такой клетке можно было держать одновременно не более трех человек. Нас же было пятеро, а в отдельные дни количество заключенных доходило до восьми. В то время когда одни спали, другие вынуждены были стоять возле двери..."

"Что говорить? Правду или как на самом деле было?"

(раздумья)

Прежде чем перейти ко второй главе, обратимся к культурному наследию предков. Открой тетрадь и на самом видном месте

напиши общеизвестные истины. Желательно — крупными буквами:

1. Чистосердечное признание - прямой путь на скамью подсудимых.

2. Каждая новая подпись уменьшает срок пребывания на свободе.

3. Собак любят за то, что они виляют хвостом, а не языком.

И т. д.

Продолжать можно до бесконечности. Об этом говорили везде и во все времена. Дурак со справкой - и тот понимает, что чем дальше за зубами он держит язык, тем быстрее выберется на свободу. Однако лишний раз поразмыслить о том, что молчание - золото, не повредит.

Отвлекись от чтения и выполни упражнение на развитие сообразительности: упираясь кулаком в подбородок, посчитай, на сколько квадратиков делит решетка заваренное металлом окно. Посчитал? Вот столько дополнительных лет заключения можно получить за одно-единственное неосторожное слово!

Итак, ты на допросе. Оперативники беспрерывно вбегают и выбегают из комнаты, словно их только что трахнули в темном

подъезде. Как бы ты от них ни отмахивался, они почему-то ну никак не желают угомониться. В дверях появляются всё новые и новые физиономии - то ли из любопытства, то ли для того, чтобы ошарашить тебя общим количеством ментовских рыл.

- По тебе только следователей задействовано свыше трехсот человек! Сознавайся! - кричит в ухо "злой" оперативник, в то время когда "добрый", сочувственно кивая, подсовывает подгнивший помидор и кусок колбасы. Ты в уме прикидываешь, сколько всего в природе существует следователей и кто остался бороться с преступностью на свободе.

Всех оперативников отличает ослиное упрямство, завидное тугодумие и одни и те же фразы. Как проститутки из брюссельских борделей, дознаватели игриво распахивают кожаные куртки, приговаривая:

- Поговорим? У меня диктофона нет. Можешь пощупать, - и заискивающе заглядывают в глаза. - Мы не допрашиваем. Мы только беседуем.

Щупать их действительно нет ни малейшего смысла. Разве что ради прикола от скуки. Диктофонов там нет. Да и зачем они им? Ты находишься в сереньком кабинете, обставленном дешевой, облезлой мебелью. Однако аудио- и видеозаписывающей аппаратурой комната утыкана настолько плотно,

что даже мухи, ползающие по потолку, и те чувствуют себя неуютно. Не стоит также забывать и о том, что основная задача дознавателей не записать, а выудить из тебя как можно больше интересующей их информации. Обрабатывать же её под нужным углом зрения и закреплять будут ведущие дело следователи.

Больше всего от таких "бесед", длящихся по десять-пятнадцать часов без перерыва, кидает в дрожь оставшихся на свободе соратников по оружию, если таковые у тебя имеются. Они никак не могут понять - ты их сдал или нет?

- Ну как там? - как страусы, вытягивают шеи временно гуляющие на свободе сподвижники. Лазутчик, вынырнувший из дверей райотдела, смахивает капельки пота со лба:

- Уже восемь часов беседует с оперативниками в кабинете начальника.

Наступает мертвая тишина, граничащая с паникой. "Что он уже успел за восемь часов наговорить?" - крутится мысль в головах. - Нужно что-то делать...

- Нужно, - соглашаются все и вновь умолкают.

Перебрав в уме тысячи возможных и невозможных вариантов твоего спасения, почему-то выбирается наиболее кардинальный:

- Может, его цианистым калием травануть? - предлагает кто-то из числа лучших друзей.

- А как сделать так, чтобы он в пищу попал? - задумчиво вторит другой.

Почему-то никому из них не приходит в голову довольно-таки простая мысль, что ты, как бронзовый Тарас Шевченко, стоящий напротив красного корпуса университета, угрюмо молчишь и ждешь помощи, давным-давно решив про себя, что лучше смерть, чем жизнь Иуды. Это потом друзья будут восхищенно жать тебе руки и говорить: "Молодец, что не сдал. Никто из нас ни на минуту не сомневался в тебе.".

Это будет потом, а сейчас они думают, где достать цианистый калий.

(продолжение предполагается)

1001 смерть

А.П.Лаврин[1]

БРАЗИЛИЯ

Как правило, знаменитые убийцы, в конце концов, становятся добычей полиции. Много раз излавливала полиция и самого известного в Бразилии профессионального наемного убийцу Флорисвальдо де Оливейру (родился в 1959 г.), по кличке "Бруно". К своим 30 годам он умудрился убить более 50 человек. Его считают самым опасным преступником, который когда-либо действовал в Сан-Паулу, крупнейшем городе Бразилии.

Впервые Бруно арестовали еще в 1983 г. и, поскольку смертная казнь в мирное время в стране отменена, преступника приговорили к 117 годам заключения. Справедливо рассудив, что шансов выйти из тюрьмы после отбытия всего срока наказания у него нет, Бруно бежал из тюрьмы особо строгого режима "Барро Бланке". Его поймали. Он снова бежал. Его опять поймали. Но он сумел убежать и в третий раз.

---

1 Продолжение.

Это произошло в июле 1990 года. С помощью двух сообщников Бруно связал трех охранников, забрал у них оружие и, переодевшись в форму охранника, покинул тюрьму, не вызвав ничьих подозрений. На прощание он сказал одному из связанных охранников:

- Передай своему шефу, что на этот раз им будет очень трудно задержать меня. Сюда я вернусь только мертвым.

Почему же такому опасному преступнику удавалось трижды бежать из тюрьмы особо строгого режима? Дело в том, что всякий раз после поимки через небольшое время Бруно из строгого изолятора переводили в зону общего режима "за хорошее поведение".

ИСТОРИЯ СМЕРТНЫХ КАЗНЕЙ

Казни в древнейшие времена

Сведения о смертных казнях имеют примерно тот же возраст, что и сведения о первых государствах. Как законный (в юридическом смысле) вид наказания смертная казнь появилась с началом институциализации власти, при переходе к обществу, регулируемому закрепленными правовыми отношениями. Так, например, на островах Тонга во время позднего

неолита и энеолита, где вся земля рассматривалась как собственность вождей, смертной казнью карались попытки простых членов первобытной общины перейти со своим земельным наделом к другому вождю. С изменением родоплеменного деления на деление по территориальному принципу стали меняться и институты права. Если раньше людей судили по племенному праву, то с созданием политико-территориальных структур возникли правовые нормы, стремившиеся к синтезу, универсализации. Но, разумеется, при этом смертная казнь в разных предгосударственных (в этнографии их называют "вождествами") и государственных образованиях назначалась за проступки, которые считались предосудительными в данном историко-культурном ареале (экумене, по терминологии Г. Померанца). Скажем, в одном месте смертью каралось посягательство на собственность знати, в другом - нарушение экзогамных либо сословно-кастовых брачных запретов, в третьем - утрата вождем племени "священной силы", позволявшей ему повелевать природой.

Шиллуки (Верхний Нил), оказывавшие очень высокое почтение своим вождям, тем не менее, умервщляли их по достижении ими определенного возраста, боясь, что из-за одряхления вождя хуже будут урожай и приплод скота, да и люди племени будут чаще болеть и умирать. Обычно первыми о наступающей слабости вождя сообщали соплеменникам его

жёны. Сходный обычай существовал у другого африканского народа - динка, вожди которого умели "делать дождь". Когда вождь динка замечал, что начинает стареть или слабеть, он сам говорил сыновьям, что пора ему умирать. Ну, а пожелание вождя, как известно, закон для подчиненных.

С возникновением государственно-правовых отношений возник так называемый принцип талиона, провозглашавший, что наказание должно быть равно преступлению. В массовом сознании этот принцип до сих существует в виде расхожей цитаты из Ветхого Завета "Око за око" (полностью она звучит так: "...а если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, ушиб за ушиб" (Исх 21:23-25). Правда, у многих народов существовало также понятие "цены крови", означавшее, что за убитого можно было расплатиться не собственной жизнью, а звонкой монетой или ее эквивалентом.

Казни в античном мире

Смертная казнь во многих древних государствах нередко была неотделима от ритуального убийства и жертвоприношений божествам и духам. Рим и Греция не составляли здесь исключения. В Древнем Риме, например, существовала т.н. очистительная

(примирительная) жертва (supplicium) и жертва, соединенная с sacratio capitis, т.е. с посвящением головы преступника подземным богам. Тем же словом обозначалась позднее и собственно казнь.

В античные времена, с их жесткой иерархической структурой сословий, смертная казнь также была «расписана по рангам». В греческих государствах самым распространенным видом казни свободнорожденных было сбрасывание со скалы или в каменоломню, а позднее - непубличное отравление из чаши с ядом (Афины) или удушение (Спарта), иногда обезглавливание. Для несвободнорожденных, как правило, применялось побивание камнями, утопление (Македония), обезглавливание (Массалия) и распятие. Иногда перед казнью над приговоренным совершалась экзекуция.

В Римской империи казнь осуществлялась путем сожжения, повешения, утопления, колесования, сбрасывания в пропасть, бичевания до смерти и особенно часто - обезглавливания, причем в Республике для этого применяли топор, а в Империи - меч. Разделение сословий в античном мире соблюдалось очень четко и, естественно, распространялось и на смертную казнь - как в смысле строгости приговора, так и в выборе типа казни. В книге VII трактата римского юриста и государственного деятеля Ульпиана (ок. 170 - ок. 223 гг. н.э.) "Об обязанностях проконсула" говорится: "Строже

или мягче карать за святотатство проконсул должен решать, сообразуясь с личностью (преступника), с обстоятельствами дела и времени, (а также) с возрастом и полом (преступника). Я знаю, что многих приговаривают к бою со зверями на арене, некоторых даже к сожжению живьем, а иных к распятию на кресте. Однако следует умерить наказание до боя со зверями на арене тем, кто ночью совершает в храме кражу со взломом и уносит (оттуда) приношения божеству. А если кто-нибудь днем из храма вынес что-то не очень значительное, то следует карать, приговорив к рудникам. Если же он по происхождению принадлежит к почтенным (в это понятие включались декурионы, всадники и сенаторы. - *А.Л.*), то его следует сослать на остров".

Распятие применялось в Республике только для рабов, а в Империи и для свободных (этот вид казни отменил император Константин). Для рабов и военнопленных существовал еще один вид наказания, о котором упоминает Ульпиан, - передача в цирк для участия в бое со зверями. Осужденного заставляли биться в амфитеатре со львами, пантерами или медведями, используя легкое оружие, либо совсем без оружия. Для высокопоставленных лиц Империи практиковалось тайное удушение или самоубийство под надзором.

Местом совершения обычной казни была, как правило, тюрьма, где содержался осужденный, или площадка перед городскими

воротами. В последнем случае на казни присутствовал глашатай, который во всеуслышание объявлял о преступлении осужденного и затем давал сигнал ликтору или палачу. Преступнику накрывали голову, секли, а затем уж казнили. Тело казненного выдавали родственникам только по особому разрешению; но как правило, тело оставалось на месте непогребенным или же его бросали в Тибр. В походе казнь совершалась перед воротами походного лагеря.

В период Республики одним из мест исполнения приговора был Эсквилин - один из семи холмов в Риме, где первоначально находилось кладбище. Во времена Империи местом казни было выбрано Марсово поле.

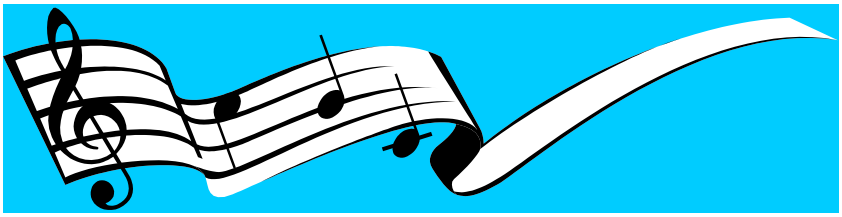
В Древнем Риме существовали так называемые проскрипции - особые списки, на основании которых лица, попавшие в них, объявлялись вне закона. Их мог убить любой человек, причем, убийца получал награду, а рабы убитого становились свободными. Особую известность получили проскрипции Суллы, благодаря которым он, придя к власти, избавился от своих противников. Первоначально Сулла занялся бесчисленными убийствами. При этом погибали не только его враги. Многие, у кого не было с Суллой никаких взаимоотношений, были уничтожены личными врагами, потому что, угождая своим приверженцам, император охотно разрешал им эти бесчинства. Сенат был не против расправ Суллы (поскольку наделил

императора диктаторскими полномочиями), но он хотел поставить их в какие-то законные рамки, чтобы Сулла публично объявил, кого он решил уничтожить, а кого оставить в живых, ибо люди страдали от неведения больше, чем от самого страха смерти. Согласившись с доводами сенаторов, Сулла составил список из 80 имен. На другой день он добавил в него 220 человек. а на третий день - еще столько же! По этому поводу Сулла счел нужным выступить перед народом. Он сказал, что включил в списки тех, кого вспомнил, а тех, чьи имена он запамятовал, он запишет потом.

"Тех, кто принял у себя или спас осужденного, - пишет Плутарх, - Сулла тоже осудил, карой за человеколюбие назначив смерть и не делая исключения ни для брата, ни для сына, ни для отца... *(Вот с кого брал потом пример Сталин! - А.Л.)* Самым несправедливым было постановление о том, что гражданской чести лишаются и сыновья и внуки осужденных, а их имущество подлежит конфискации. *(Безусловно, Сталин очень внимательно изучал римскую историю, когда был семинаристом… - А.Л.)* Списки составлялись не в одном Риме, но в каждом городе Италии. И не остались незапятнанными убийством ни храм бога, ни очаг гостеприимца, ни отчий дом. Мужей резали на глазах жен, жен - на глазах матерей".

Имущество убитых конфисковывали, и Сулла раздавал его, кому хотел. Когда же человека казнили не по проскрипционному списку - у него дома, на улице и т.д., — а в "нормальных" условиях - в тюрьме или на площадке перед городскими воротами, его личные вещи (pannicularia) по обычаю делили между собой палачи и тюремщики. Правда, как разъясняет Ульпиан, в понятие pannicularia должны были включаться только одежда осужденного, мелкие деньги на пропитание, находящиеся в его поясе, или легкие кольца, то есть такое имущество, которое стоит не больше 5 золотых. Всё, что свыше - шло на покрытие расходов местных властей.

(продолжение предполагается)



КОЗЁЛ НА САКСЕ

Алексей КОЗЛОВ

(главы из новой книги)

"Но все это относится к рациональной стороне науки об импровизации. Существует еще и мистическая сторона. В мировой практике встречаются солисты, обладающие даром гипноза и овладевающие аудиторией по своим собственным законам, заставляя себя слушать и восхищаться их игрой. Я уверен, что такие музыканты, как Никколо Паганини, Джимми Хендрикс или Майлз Дэйвис были настоящими экстрасенсами. В принципе, любой солист должен быть в какой-то степени гипнотизером, если не шаманом."

"В джазовой традиции схема пьесы довольно проста. Сперва излагается тема, а

затем солисты играют по очереди свои импровизации, используя одну и ту же последовательность аккордов, соответствующую теме. С появлением новых видов джаза - модального, джаз-рока или фьюжн - возникли другие подходы к построению формы. Солисты стали играть импровизации по гармоническим схемам, отличающимся от основной темы, разные солисты стали применять разные схемы в рамках одной пьесы, между солистами стали делаться оркестровые вставки, являющиеся побочными, то есть новыми темами. Таким образом форма произведений в новом джазе значительно усложнилась, приблизившись в некотором смысле к симфонической музыке."

* * *

Глава 13. Опасная игра

(…)

В те времена слухи о любом новом событии в подпольной контркультуре распространялись моментально, причем по всей территории Советского Союза. По всей стране был отлажен механизм передачи негласной информации о чем угодно. Существовали две сами собой

сформировавшиеся системы - самиздат и магиздат. Информацию о различных событиях, которую нельзя было зафиксировать на бумаге или на пленке, передавали из уст в уста. К середине 70-х это приняло такие масштабы, что абсолютно вышло из-под контроля властей. Ну, а сами власти в лице партийных органов и КГБ прекрасно понимали, какую разрушительную для идеологии силу имеет подпольный информационный слой. И они старались изо всех сил вести борьбу хотя бы с самиздатом, поставив на жесткий контроль все средства множительной и копировальной техники, которой тогда в стране было крайне мало. Огромную роль в деле размножения запрещенных текстов играли обычные машинистки, секретарши или сотрудницы машбюро на предприятиях, в НИИ. Они, идя на определенный риск, ради дополнительных заработков "подхалтуривали" и брали заказы на распечатывание в пяти экземплярах самых разных текстов : статей Есенина-Вольпина, книг Солженицина и Набокова, работ Блаватской и Вивекананды. Магнитофонные записи советских подпольных рок-групп тиражировались главным образом бесплатно, по дружбе. Тогда еще существовал истинный энтузиазм, свойственный бескорыстным романтикам андеграунда, паразиты появились позднее.

(…)

1974 год начался для нас активно. Об ансамбле моментально узнали все, кто интересовался неофициальным искусством. В те времена связь между представителями разных видов творчества, особенно, если это творчество нежелательно властям, было довольно тесным. Писатели и поэты, музыканты и композиторы, художники и скульпторы довольно тесно общались, посещая всевозможные неофициальные мероприятия - концерты, выставки, творческие вечера. Нонкомформистская интеллигенция активно обменивалась самиздатской литературой. Собирались на кухнях, травили антисоветские анекдоты, прикрыв телефонный аппарат подушкой. Одни тихо держали фиги в кармане, боясь за родных и близких, другие - почти самоубийцы - выходили на Красную площадь, как в 1968 году, третьи подписывали воззвания в защиту известных диссидентов. В любом случае люди постоянно рисковали: потерять работу, загубить карьеру, лишиться свободы. Надежды на то, что Советской власти когда-нибудь не станет, не было никакой. Она казалась тогда незыблемой и вечной. Это было тоскливо, особенно для тех, кто не мог или не хотел — по разным соображениям — покидать страну ни при каких обстоятельствах. Я относился именно к этой категории, хотя жизнь за рубежом, особенно а Соединенных Штатах Америки, казалась мне просто раем. Позднее, уже в конце

80-х, жизнь внесла некоторую ясность в мое сознание по этому вопросу. А пока "Арсенал", попавший в полосу внимания как модной молодежи, так и властей, начал серию концертов, кончавшихся, как правило, какими-нибудь эксцессами.

(…)

В конце 1974 года произошло событие, которое окончательно отбросило нас в область недозволенного, запретного искусства, в глухой андеграунд. Слухи о нас каким-то образом дошли до сотрудников посольства США, занимавшихся вопросами культуры и зорко следивших за всеми неформальными проявлениями во всех областях советского искусства. Один из секретарей посольства - Мэл Левитский - достал у кого-то мой домашний телефон и просто позвонил мне. На русском языке с типичным американским акцентом он предложил ансамблю "Арсенал" выступить в доме американского посла "Спасо Хаузе", что рядом со старым Арбатом. Он сказал, что слышал о нашей концертной версии оперы "Jesus Christ Superstar" и просил исполнить ее 24-го декабря, то есть в канун католического Рождества, в Доме Посла перед американскими и другими иностранными дипломатами, а также перед членами их семей, которые в Рождественские каникулы обычно приезжают в Москву к своим родным. Он сказал также, что

выступление будет записано на магнитофон и, если мы не возражаем, будет передано по радиостанции "Голос Америки". Честно сказать, я не был готов к такому повороту событий. Уж больно заманчивым и рискованным было предложение. В то время уже были известны случаи, когда некоторые советские граждане шли на открытый контакт с представителями иностранных посольств, идя ва-банк и надеясь на прикрытие со стороны дипломатов. Заканчивалось это по-разному. Если советский гражданин уже был известен за рубежом через прессу или эфир, то, во избежание скандала, его открыто не трогали, но полностью перекрывали кислород по всем жизненным вопросам как врагу народа. Но если такой известности не было, его могли тихо убрать. Для этого существовали простые методы, такие как, скажем, спровоцированная драка на улице, затем пятнадцать суток за мелкое хулиганство, затем еще одна провокация в камере, затем мелкий срок или психушка, а далее - по обстоятельствам, иногда надолго. Начиная с осени 1974 года я опасался именно таких провокаций, и нередко, когда ко мне на улице подходил какой-нибудь пьяный, я уходил в сторону, видя в нем подставное лицо. Возможно, это было мнительностью, но тогда ею страдали многие инакомыслящие интеллигенты, затравленные и не имевшие никакой перспективы в жизни, тем более что прецедентов такого рода было немало. Открыто

и, я бы сказал, отчаянно вели себя лишь профессиональные диссиденты, борцы за права человека, связанные с международными правозащитными организациями, люди, сознательно обрекавшие себя на сидение в лагерях, тюрьмах и психушках. Для них это было методом получить огласку. Они имели широкую известность и поддержку за рубежом, некоторые погибали безымянно, многие выжили и имена их не забыты. Это Петр Якир, Лариса Богораз, Вадим Делоне, Петр Григоренко, Анатолий Щаранский, Владимир Буковский, Сергей Ковалев и многие, многие другие...

И вот наступил вечер, гости съехались, начался прием. В переднем холле собралась западная светская публика и беседовала, стоя группами и толпясь у стоек буфета. Между гостями сновали официанты с подносами, разнося пиццу и бутербродики. Когда вводная часть приема закончилась, публику, среди которой было, между прочим, немало американской молодежи, приехавшей навестить своих родителей в Рождество, пригласили в зал со сценой. На полу там был расстелен громадный толстый ковер, и всем предложили просто сесть на пол, что и произошло. Все это создало удивительно домашнюю, совсем не официальную обстановку перед концертом и несколько помогло нам успокоиться. А волновались все изрядно, уж больно в необычной ситуации мы оказались.

Наше выступление было разбито на две части. В первом отделении мы исполнили популярные тогда хиты из репертуара групп "Chicago' и "Blood, Sweat and Tears", а также других ансамблей. Во второй части - фрагменты из рок-оперы "Jesus Christ Superstar". С первых же звуков аудитория поняла, что это их родное, и взорвалась аплодисментами. На лицах было изумление, ведь на Западе бытовал образ СССР в виде тайги с бродящими по улицам городов медведями. Далее прием был самый горячий. Наше волнение как рукой сняло, мы почувствовали себя в своей тарелке. Более того, я неожиданно испытал в этой ситуации не чувство подобострастия, как этого хотелось бы товарищам из охранки, а прилив патриотизма от того, что мы поднимаем авторитет нашей страны - России, а не СССР, в глазах иностранцев. А иностранцы искренне радовались тому, что мы играли. Я заготовил им на этом концерте один сюрприз. Мой сын Сережа, которому исполнилось тогда десять лет, подготовил к этому концерту два номера с ансамблем. Он разучил на английском языке песню "Spinning Wheel", которую пел Дэйвид Клейтон Томас с группой "Blood, Sweat and Tears" , и песню из репертуара "Beatles" - "With A Little Help From My Friends", для которой я сделал специальную оркестровку. Мы выучили все это с ним дома под рояль, а перед концертом в Спасо Хаузе он прошел песни несколько раз с "Арсеналом". Главное, чтобы он не разошелся с оркестром,

ведь песни были очень непростые даже для взрослого исполнителя. И вот подошел момент, когда Баташев объявил, что сейчас вместе с "Арсеналом" вы услышите еще одно творение Алексея Козлова - его сына Сергея. После этого Сережа, который тихо сидел среди публики на полу, поднялся и вышел к ансамблю. В публике раздался вздох удивления, тем более, что выглядел он тогда как заправский хиппи, с длинными волосами, в джинсе, из-за чего я имел постоянные конфликты с дирекцией школы, где он учился. Ну, а когда он спел первые фразы из популярной тогда песни: "What Goes Up, Must Come Down, Spinning Wheel Got To Go Around" - все зааплодировали. Действительно, это было неожиданно - еще и дети в этой стране поют на хорошем английском и с синкопами.

Концерт прошел с успехом, и я понял, что выбор был сделан правильно. Через некоторое время в англоязычной программе Голоса Америки "Music USA" Уиллис Коновер передал фрагменты записи нашего выступления в Спасо Хаузе, с информацией об "Арсенале". Для меня это был особый момент в жизни, так как услышать свое имя в эфире из уст любимого комментатора, как говорят, дорогого стоит. Очевидно, об этом говорили и в русскоязычных передачах Голоса Америки, но я, как это ни странно, этих передач обычно не слушал. Во-первых, их глушили, — правда, плохо, все было слышно сквозь треск, — но дело не в этом. Просто не было необходимости. Нам, своими

порами ощущавшими прелести этой жизни в "совке", и так все было ясно, причем намного ясней, чем редакторам "Голоса". Единственная станция, реально привлекавшая тогда внимание инакомыслящих, была "Свобода", но вот ее глушили по-настоящему.

После передач по вражескому голосу "Арсенал" приобрел известность во всем Советском Союзе, да и в какой-то степени за рубежом. Я познакомился тогда с дипломатами, меня стали приглашать на некоторые официальные приемы в Дом Посла Соединенных Штатов по случаю различных событий. Постепенно я убедился, что ничего криминального в посещении Спасо Хауза нет, что там, помимо официальных советских чиновников, постоянно присутствуют многие известные деятели нашей культуры, руководители творческих союзов, писатели, поэты и художники, популярные артисты. Я вдруг попал в круг этих людей как представитель джазовой среды. Первое время, отправляясь на прием и подходя к воротам Спасо Хауза, где стояли дежурные милиционеры, которые просили предъявить приглашение, я не мог подавить в себе чувство страха, что меня сейчас арестуют или, в крайнем случае, не пустят. Но потом я все понял и стал ходить на эти приемы спокойно, а со временем иногда даже стал их игнорировать, поскольку толку от них не было никакого.

(продолжение предполагается)

ОККУЛЬТНЫЙ МИР

А. Синнет

(выдержки)

Оставшаяся часть письма связана преимущественно с вопросами личного характера, и приводить ее здесь не стоит. Цитируя письма Кут Хуми, я, разумеется, буду неизменно опускать пассажи, касающиеся лично меня и не имеющие непосредственного отношения к публичным дискуссиям. Читатель, однако, должен помнить (и я сейчас утверждаю это самым недвусмысленным образом), что я не изменяю ни единого слова в цитируемых мною отрывках. Крайне важно заявить об этом со всею определенностью, потому что чем ближе мои читатели знакомы с Индией, тем труднее им будет поверить, что письма Кут Хуми в том виде, в каком я их здесь публикую, написаны уроженцем Индии, если только автор не подтвердит это самым убедительным образом. Тем не менее это факт, не подлежащий никаким сомнениям.

Насколько я помню, отвечая на письмо, пространно процитированное выше, я возразил, что мышление европейцев не отличается столь безнадежной неподатливостью, как это описал Кут Хуми. Он прислал мне второе письмо, в котором говорилось следующее:

"Мы так и будем спорить в письмах, пока не станет совершенно очевидно, что у оккультной науки свои собственные методы исследования, столь же постоянные и деспотические, как и методы ее противоположности - физической науки. У последней есть свои предписания, но есть они и у первой; и тот, кто пересек границу невидимого мира, может определять свои дальнейшие действия в столь же ограниченной степени, в какой путешественник, пытающийся проникнуть во внутренние подземные тайники благословенной Лхасы, способен указывать дорогу своему проводнику. Наши тайны никогда не были и никогда не смогут стать достоянием широкой публики - по крайней мере, до того долгожданного дня, когда наша религиозная философия станет всемирной. Во все времена тайнами Природы владел лишь узкий круг, едва заметное меньшинство, хотя свидетелями того, что обладание этими тайнами вполне возможно, становилось множество людей. Адепт - это редкостный цветок, порожденный поколением исследователей; чтобы стать адептом, человек должен повиноваться глубинному духовному импульсу, который не зависит от благоразумных соображений, продиктованных

светской наукой или практическим умом. Вы желаете, чтобы вам дали возможность поддерживать прямую связь с одним из нас, без посредничества со стороны мадам Блаватской или иного медиума. Насколько я понимаю, ваша идея состоит в том, чтобы наладить подобные контакты (через письма, как в данном случае, или через устное общение) для того, чтобы один из нас руководил вами, помогая управлять общественностью, а главным образом - просвещать ее. И все же, стремясь ко всему этому, вы, по вашим собственным словам, до сих пор не нашли достаточных оснований, чтобы отказаться от своего образа жизни, прямо враждебного подобным способам связи. Это едва ли разумно. Тот, кто готов высоко поднять знамя мистицизма и провозгласить его грядущее царство, должен сам служить примером для других. Он должен первым изменить свой образ жизни и, рассматривая изучение оккультных тайн как высшую ступень лестницы познания, обязан заявить об этом во всеуслышание, вопреки установкам точных наук и противодействию общества. "Царствие Небесное силою берется", - утверждают христианские мистики. И современный мистик может надеяться достичь своей цели лишь с оружием в руках и с готовностью победить или погибнуть.

Полагаю, в своем первом письме я сумел ответить на все вопросы, содержащиеся в вашем втором и даже третьем послании. Так как

я уже тогда высказал свое мнение о том, что мир в целом еще не созрел для любого слишком ошеломляющего доказательства существования оккультной силы, нам остается лишь общаться с отдельными личностями, которые, подобно вам, стараются проникнуть через завесу материи в мир первопричин - т.е. нам нужно теперь рассматривать только конкретные случаи: ваш и мистера Здесь я должен сделать пояснение: один из моих друзей, заинтересованный в успехе этого исследования столь же глубоко, как и я, сам написал письмо моему корреспонденту после того, как я дал ему прочитать первое послание, полученное от Кут Хуми. Находясь в условиях, которые более благоприятствовали подобному предприятию, нежели те обстоятельства, в которых находился я, он даже предложил полностью пожертвовать другими своими стремлениями и удалиться в уединение, затворившись в месте, которое ему укажут; он предполагал, что если оккультисты возьмут его в ученики, то он сможет там основательно выучиться, дабы затем вернуться в мир, вооружившись способностями, которые позволят ему демонстрировать реальность духовного совершенствования и глубину заблуждений современного материализма. После этого он собирался посвятить свою жизнь борьбе с современным скептицизмом, ведя людей к практическому пониманию лучшей жизни. Возвращаюсь к письму Кут Хуми.

"Этот джентльмен оказал мне большую честь, обратившись лично ко мне; он задал мне несколько вопросов и сформулировал условия, на которых он готов серьезно работать для нас. Но поскольку ваши и его мотивы и стремления диаметрально противоположны и, следовательно, ведут к различным результатам, я должен ответить каждому из вас в отдельности.

Когда мы решаем, принять или отвергнуть ваше предложение, то первое и главное соображение для нас заключается в том, какие мотивы и стремления побуждают вас просить наших наставлений и, в определенном смысле, руководства с нашей стороны; последнее, насколько я понимаю, в любом случае остается обратимым; следовательно, решение этого вопроса не зависит ни от чего другого. Так каковы же ваши мотивы? Я попытаюсь определить их в общих чертах, оставив подробности для дальнейшего рассмотрения. Мотивы эти таковы:

1. Желание увидеть несомненные и безупречные доказательства того, что в Природе действительно существуют силы, о которых наука ничего не знает.

2. Надежда когда-нибудь овладеть этими силами (и чем раньше, тем лучше, так как ждать вы не любите), с тем чтобы это позволило вам: а) продемонстрировать их существование немногим избранным умам Запада; б)

рассматривать будущую жизнь как некую объективную реальность, опираясь на фундамент разума, а не веры; и в) быть может, самый важный для вас мотив, хотя и наиболее тайный и сокровенный: узнать, наконец, всю правду о наших ложах и о нас самих; говоря коротко - обрести уверенность в том, что "Братья", о которых все столько слышали, но которых практически никто не видел, - это реальные существа, а не плод воспаленного воображения. Так мне видятся мотивы, по которым вы обратились ко мне, если рассматривать их в самом лучшем свете. В таком же духе я на них и отвечаю, надеясь, что моя искренность не будет неверно истолкована или отнесена на счет моей предполагаемой враждебности.

Эти мотивы, которые с точки зрения мира представляются искренними и заслуживающими самого серьезного внимания, по нашему мнению, являются эгоистическими. (Вы должны простить мне подобную резкость в выражениях, если действительно желаете того, о чем заявляете, - то есть постигать истину и получать наставления от нас, принадлежащих к совсем другому миру, нежели общество, в котором вращаетесь вы). Эти мотивы эгоистичны, потому что вы должны осознать, что главная цель Теософического Общества - не столько потворствовать индивидуальным устремлениям, сколько служить нашим ближним, и подлинное значение слова

"эгоистичный", возможно, режущего ваш слух, пронизано для нас особым, специфическим смыслом, которого это слово не может иметь для вас. Следовательно, вы должны принимать его в том же значении, что и мы, и никак иначе. Быть может, вы сумеете лучше воспринять это значение, если я скажу вам, что в нашем понимании самые возвышенные помыслы о благе человечества отравлены эгоизмом, если в душе филантропа затаилась хотя бы тень стремления к личной выгоде или склонность творить несправедливость, несмотря на то, что он сам может даже не осознавать этого. Ведь вы уже обсуждали, не отставить ли в сторону идею Вселенского Братства, ставили под вопрос ее полезность и советовали реорганизовать Теософическое Общество по принципу колледжа для индивидуального изучения оккультизма...

Теперь оставим личные мотивы и перейдем к анализу тех условий, на которых вы согласны помочь нам в работе на общее благо. В общих чертах эти условия таковы: во-первых, основание англо-индийского Теософического Общества, осуществленное с вашей любезной помощью, - Общества, в руководстве которого не будет иметь права голоса никто из наших нынешних представителей[4]; и, во-вторых, один из нас должен взять новую организацию "под свою опеку", наладив при этом "свободные и прямые контакты с ее руководителями" и представив им "непосредственные

доказательства того, что он реально обладает высшим знанием о силах Природы и свойствах человеческой души, - доказательства, которые вызвали бы надлежащее доверие к его руководству". Я дословно привожу здесь ваши собственные выражения, чтобы избежать неточности в определении вашей позиции.

С вашей точки зрения, эти условия являются столь разумными, что просто не могут вызвать несогласие, и, конечно, большинство ваших соотечественников, если не большинство европейцев вообще, согласилось бы с вами. Что, скажете вы, может быть разумнее просьбы о том, чтобы учитель, жаждущий распространять свои знания, и ученик, предлагающий ему этим заняться, встретились друг с другом лицом к лицу и чтобы один из них предоставил другому экспериментальное подтверждение истинности своих наставлений? Как светский человек, живущий в миру и в полном согласии с ним, вы, несомненно, правы. Но людей иного, нашего мира, которых не обучали вашему образу мыслей и которым порою бывает очень трудно уловить и понять ход таких умозаключений, - этих людей едва ли можно упрекать в том, что они отвечают на ваши предложения не столь охотно, как последние, по вашему мнению, заслуживают. Первое и самое серьезное возражение связано с нашими собственными правилами. Действительно, у нас есть свои школы и учителя, свои неофиты и "шабероны" (высшие адепты), и если в нашу

дверь постучится подходящий человек, ему всегда откроют. Мы встречаем вновь прибывшего с неизменным радушием; правда, не мы идем к нему, а он должен прийти к нам. Более того: пока он не дошел на пути оккультизма до той точки, откуда уже нет пути назад благодаря клятве, которою человек бесповоротно связывает себя с нашим Обществом, мы никогда, кроме самых исключительных случаев, не посещаем его и даже не переступаем в зримом облике порога его дома.

Есть ли среди вас человек, который настолько стремится к знанию и благотворным способностям, которые оно дарует, что он готов покинуть свой мир и перейти в наш? Если да - пусть придет; однако он не должен помышлять о возвращении, пока его уста не замкнет печать тайны, которую не смогут сломать даже его возможные слабость и неблагоразумие. Пусть приходит любым путем, как ученик к учителю, не ставя никаких условий, или же пускай ждет, как приходится ждать столь многим, и довольствуется теми крохами знания, которые сможет найти на своем пути.

Предположим, что вы придете к нам, как уже пришли двое ваших соотечественников, как сделала мадам Б. и сделает в будущем мистер О.; предположим, что вы оставили все ради истины, дабы годами устало влачиться по трудной, крутой дороге, не страшась препятствий, умея устоять перед любыми

искушениями; что вы преданно хранили в сердце тайны, вверенные вам в порядке испытания; что вы бескорыстно трудились изо всех сил, чтобы распространять истину, побуждая людей правильно мыслить и правильно жить; сочли бы вы справедливым, если бы после всех ваших усилий мы предоставили мадам Б. или мистеру О., как "посторонним", те условия, которые вы сейчас испрашиваете для себя? Одна из этих двоих посвятила нам три четверти своей жизни, другой - шесть лучших лет зрелости, и оба будут так же трудиться до конца своих дней; всегда работая за заслуженное вознаграждение, они тем не менее никогда не требовали его и не роптали, если бывали лишены награды. Даже если бы они свершили гораздо меньше, чем на самом деле, разве не стало бы явной несправедливостью игнорировать их в этой важной сфере теософских усилий? Среди наших пороков нет неблагодарности, и я не в силах представить, что вы советуете нам проявить это качество.

Ни один из этих двоих не имеет ни малейшего намерения мешать руководству предполагаемого англо-индийского отделения или навязывать свою волю его сотрудникам. Однако новое Общество, если оно вообще будет сформировано и даже получит свое собственное, особое название, должно фактически оставаться дочерним ответвлением основной организации, подобно Британскому

Теософическому Обществу в Лондоне, и вносить свой вклад в поддержание жизнеспособности и эффективности этой материнской организации, проводя в жизнь ее передовую идею Всемирного Братства, а также иными возможными способами.

Какими бы неудачными не были демонстрации феноменов, среди них все же есть, как вы сами согласились, и совершенно безупречные. "Звук постукивания по столу, к которому никто не прикасается", и "звон невидимых колокольчиков в воздухе", по вашим словам, всегда оценивались как "удовлетворительные".

Исходя из этого, вы убеждаете меня в том, что хорошие экспериментальные феномены "можно с легкостью умножать ad infinitum*. Да, можно - везде, где постоянно существуют наши магнетические и иные условия и где нам не приходится действовать через слабое тело женщины, в которой, если можно так выразиться, большую часть времени бушует ураган жизненной энергии. Но каким бы несовершенным ни был наш зримый посредник, в настоящее время эта личность наиболее пригодна для подобных целей, и феномены, которые она демонстрирует, вот уже около полувека изумляют и ставят в тупик ряд самых выдающихся умов вашего столетия..."

(продолжение предполагается)

СНЯТЫЙ ЗАПРЕТ

(5-я беседа опытного оккультиста с начинающим)

— Так-так; ты опять от меня чего-то хочешь. Материал хочешь для своего журнальчика. Что ж, «его как раз есть». Месяца три мы с тобой не виделись, оно и появилось. Это опять будет про моего приятеля, о котором ты уже писал.

Напомни твоим читателям, что ему за 60, он москвич, из интеллигенции. Был женат 30 лет назад, и нельзя сказать, что по любви, а скорее, по симпатии. Потом развёлся, но важно то, что поскольку он в прошлых жизнях невольно провинился перед женщинами, то ему Сверху поставили запрет на возможность иметь женщину рядом — в форме семьи, долговременной любовницы и т.п. И не разрешили до определённого времени знать о наличии этого запрета. Так что он все эти десятилетия, как говорится, перебивался с хлеба на квас и, лет пять назад, догадавшись о запрете, окончательно махнул рукой на возможность иметь личное счастье. Хотя внешне выглядел лет на пятьдесят, и все считали его интересным человеком.

И вот год назад у него появилась возможность обратиться с просьбой Наверх (куда точно, ему не сказали), и он попросил дать

ему достойную женщину. И узнал в эти минуты, что его просьба рассматривалась на высоком уровне — самим Владыкой кармы, и что она удовлетворена и запрет ему СНЯЛИ: на двенадцать лет.

Он Их поблагодарил, и не то чтобы стал ждать просимого (не очень уж ему верилось в то, что может что-то эдакое произойти: ведь вся его неудавшаяся личная жизнь свидетельствовала об обратном), — но отложил возможность этого в самый дальний угол памяти.

И как я тебе уже говорил, он пенсионер. Пенсия маленькая, и он добавляет к ней тем, что сдаёт вторую комнату в своей небольшой двухкомнатной квартире. (Всю жизнь карма заставляла его жить с духовно чуждыми ему людьми в пределах его жилища…) И вот после «уезда» очередного жильца ему, в числе прочих звонков о снятии комнаты, звонит женщина. И по её голосу она ему сразу понравилась, и он захотел, чтобы именно она у него сняла. И в этот же день она приехала смотреть, и когда он увидел её в дверях квартиры, то мгновенно почувствовал в ней (именно в ней, а не к ней: это пришло позже) нечто совершенно незаурядное, чего он и поныне не может толком объяснить. И к его радости, комнату она у него сняла.

И как ты уже догадался, это оказалась та самая женщина по его просьбе. Она на несколько лет младше него, родом из города на

Урале, разведена, дочка-студентка живёт и учится в Петербурге. Внешне очень миловидна и, как оказалось впоследствии, с идеальным характером и совершенно интеллигентный человек. И у них сразу возникло взаимное доверие: например, в тот же самый день она без всякой расписки оставила ему большие — для него — деньги, вперед за два месяца проживания, и не отказалась принять ванну — в чужой квартире, у чужого мужчины, которого она видит впервые в жизни и знает всего десять минут… (Правда, стояла страшная жара.) То есть на подсознательном уровне она всё уже поняла и приняла, хотя на сознании ещё опасалась.

И буквально в течение двух-трёх недель они влюбились друг в друга и затем уж максимально сблизились. И дальнейшее эзотерическое рассмотрение показало, что они действительно посланы друг другу. Доказательства для читателей, говоришь? Они хотя и чисто эзотерические, однако увидеть их может каждый, если попросит моего приятеля их предъявить. В частности, имеется множество (так называемых) совпадений по выходу обоих из-под влияния Зодиака, что легко усматривается по датам основных событий их жизни. Плюс к тому оба они Козероги, а у Козерогов прекрасное взаимопонимание; и оба идеально совпадают по структурному гороскопу.

Нелегка была и судьба этой женщины. Но она с честью выдержала все испытания

последних десяти лет жизни (а может, и последних двадцати пяти…), не пала духом и, что называется, не осволочилась. Так что с Урала Высшие Силы очень незадолго до описываемых событий перевели её аж в Москву, куда она совершенно не стремилась. И дочку её тоже вывели из Урала — в Петербург, поближе к Москве.

И буквально за одну неделю, в условиях дефицита не только осознаваемой информации, но и просто времени всё обдумать из-за шестидневной рабочей недели, эта незаурядная женщина на чистой интуиции решила не возвращаться на Урал — остаться с моим приятелем в не привлекающей её Москве. Кроме того, съездив на два выходных в Петербург, без всякой предварительной подготовки и советов с кем-либо, она купила там жильё для дочери и даже успела частично его оформить. Для тех, кто не знает современной жизни и не может поэтому оценить совершённое ею, скажу, что факты эти поистине грандиозны. И чем больше мой приятель её узнавал, тем больше любил её и убеждался, что женщина эта поистине уникальна.

Так что я рад за них обоих: наверное, заслужили, чтобы счастье получить не в загробном мире, а уже здесь на Земле.

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ

Впрочем, ему стоило идти домой. "Главное — домой!" — усмехнулся Данилов. А что там? Сидеть у платяного шкафа в тоске и рефлексиях? "Вот именно там и сидеть! — сказал себе Данилов. — И думать о том, кто ты есть и зачем существуешь. И есть ли смысл в твоем дальнейшем существовании".

— Данилов, — кто-то положил ему руку на плечо.

Данилов оглянулся. Над ним стоял Кармадон. В буфете было тихо и пустынно.

— Да, — нахмурился Данилов.
— Мне нужно поговорить.
— Я вас слушаю.
— Не здесь, — сказал Кармадон.
— Где же?
— Я знаю одно место. Если ты... Если вы согласитесь отправиться туда, я буду вам признателен.
— Хорошо, — сказал Данилов.

Он встал. Кармадон повернулся и быстро пошел, не проявляя никакого интереса к тому, идет ли за ним Данилов или нет. Он был в синей

накидке, хлеставшей по полу, накидка развевалась, слева под ней угадывалась шпага. Данилов шел за Кармадоном в волнении. Они свернули в темный переулок, и какой там возник век, Данилов не понял, и какой архитектуры стояли здания, не мог определить; но они стояли. Здесь хозяин был Кармадон, и условия его прогулки Данилов не счел нужным разгадывать.

Заскрипела дверь. Кармадон толкнул ее плечом и пригласил за собой Данилова. В руке у него оказалась тонкая свеча. Бледный, нервный свет ее освещал узкую лестницу со смелыми изломами, — такие лестницы устраивали в крепостных башнях и в стенах замков или каменных палат, и по одной из них Данилов поднимался как-то в Соликамске в воеводском доме. Здесь он шел за Кармадоном вниз. Ступени были сухие, из камня, но стертые, и оттого как бы наклонные. Ничем не пахло, тени были хотя и живые, но зловещие, летучие мыши с песьими мордами будто бы таились в них. "Да что мне летучие мыши-то!" — думал Данилов. А сам пугался.

Наконец стало чуть светлее, будто бы обнаружился некий погреб или подвал. Кармадон указал Данилову на скамью, стоявшую возле длинного дубового стола. Данилов, помедлив, на скамью сел, но нерешительно, на краешек. Кармадон властно предложил ему подвинуться к центру стола. Данилов повиновался. Кармадон разжал

серебряную застежку у горла, сбросил накидку и сел возле Данилова.

— Данилов, — положил вдруг Кармадон руку Данилову на плечо. — Данилов...

И заплакал.

До того как Кармадон заплакал, Данилов хотел сбросить его руку с плеча. Он даже дернулся, но тут же и замер в смущении. Он поглядел по сторонам: не смотрит ли кто на них. Похоже, в погребе никого не было. А смотрел ли кто и откуда на них с Кармадоном, об этом можно было только гадать.

Кармадон опустил руку, положил ее на дубовую доску стола, а потом и голову уронил на руку. "Что он плачет? — думал Данилов. — Играет комедию? Или на самом деле?" Сейчас он испытывал и жалость, и сочувствие к Кармадону.

На всякий случай он осмотрел уединенное место. Три свечи в аугсбургских шандалах, толстые, с ярким пламенем, стояли на столе, единственном в погребе. Два столба держали своды с распалубкой. Погребок был ранней готики, причем скромной, деревенской. Стены, своды и столбы его были побелены, естество кирпича проявлялось лишь в ровных шнурах нервюров. Пламя свечей не дрожало, будто электрическое, нервюры казались непоколебимыми и неизбежными. В углу, за

дальним столбом, Данилов углядел бочки. С вином, с порохом, или еще с каким зельем, или с пиратской добычей, кто знает.

Кармадон поднял голову. Глаза его были сухие.

— Данилов, — сказал Кармадон. — Сыграй мне.

— Что? — удивился Данилов.

— Сыграй мне что-нибудь печальное.

— У меня и инструмента нет...

— Возьми вон там, — сказал Кармадон.

Он указал на бочки, там что-то появилось. Данилов обмер: неужели Альбани? Он быстро подошел к бочкам и увидел лютню. Лютня была знакомая. Данилов играл на ней в пору лицейской юности и позже, в Седьмом Слое Удовольствий. Лютню он держал с нежностью, чуть ли не умиление испытывал к вечному инструменту.

— Я боюсь, у меня сейчас не выйдет, — сказал Данилов.

— Я прошу тебя, — тихо произнес Кармадон.

— Я попробую, — сказал Данилов. — Но я привык к земному. Тебе же надо что-то из тех, юношеских вещей?

— Да, из тех, — кивнул Кармадон.

Данилов, естественно, мог бы сейчас исполнить любое произведение на лютне, даже если бы он взял лютню в руки впервые. Но такими же возможностями располагал и Кармадон. Кармадон желал сейчас не исполнения музыки, а самой музыки и еще чего-

то большего, и Данилов стал играть. И в юности у них были минуты высокие и печальные, и тогда звучали элегии. Данилов вспомнил былое, искренне желал своей музыкой облегчить участь давнего знакомца, застывшего рядом, жалел его и себя жалел...

— Спасибо, Данилов, — сказал Кармадон.

— За что же?

— Давай выпьем!

— Давай!.. — неуверенно сказал Данилов, пить он не желал, а главное, с неохотой опускал на скамью лютню, с печалью отпускал ее от себя, — он стосковался по музыке.

Данилов с опаской поглядел на кубки, возникшие на столе, ожидал появления бутылей ликера "Северное сияние", закусок железнодорожных буфетов, уложенных в нетленные тарелочки из гофрированной фольги, но нет, страхи его были напрасными. Выпили. Кармадон пил угрюмо, махом, и Данилов удивился — до того хорош и благороден оказался крепкий напиток. "Что же на Земле Кармадон мучил нас "Северным сиянием" и почему мне суют железнодорожную еду?" — чуть ли не обиделся Данилов. Кармадон снова наполнил кубок и опрокинул его. Данилов сделал один глоток.

— Тошно, Данилов! — сказал Кармадон. — Тошно!

— Отчего? — скорее из вежливости спросил Данилов.

Кармадон то ли издевку ощутил в его словах, то ли простое непонимание — и этого было достаточно. Он взглянул на Данилова свирепо, но в глазах его была и слабость израненного зверя, однако Данилов заробел. И Кармадон, похоже, смутился. Не для ссор, видно, он привел сюда собеседника. Данилов же не знал, как ему сейчас себя вести. Они опять перешли на "ты", однако ничего, что между ними произошло, отменить было нельзя.

— Я на самом деле не знаю причин твоего нынешнего состояния, — сухо сказал Данилов.

Кармадон снова взглянул на него.

— Неужели ты ничего не слышал?

— Слышал, — сказал Данилов. — Случайно и совсем недавно. Но это были сведения невнятные и, возможно, отдаленные от истины... Может, это просто сплетня...

— Разжалован, разбит и сослан, — сказал Кармадон.

Данилов полагал, что Кармадон, коли у него возникла потребность в нем как в собеседнике, сейчас выговорится, все расскажет, драматизируя подробности, ища сострадания, но Кармадон, произнеся три слова, ударил кулаком по столу, как бы ставя точку, и с ревом опрокинул кубок.

— Но и в микрокосмосе, — осторожно сказал Данилов, — своя жизнь.

— Да, — кивнул Кармадон. — И в микрокосмосе.

— Что же отчаиваться, — сказал Данилов. — Мы не юнцы. А в наши зрелые годы знаешь, что не в пребывании на вершине дело...

— Данилов, не надо, — сказал Кармадон. — Ты хорошо играешь на лютне, а мыслитель из тебя никакой.

— Наверное, — согласился Данилов.

— Да и не в том дело, что меня посадили на элементарную частицу! — чуть ли не выкрикнул Кармадон. — Не в том! Слабость моя — вот что меня приводит в уныние!

Данилов молчал.

— Имя твое упомянуто не было, — сказал Кармадон. — Можешь быть спокоен.

— Что же, и о дуэли они не знают?

— О дуэли знают.

— Коли знают о дуэли, знают и обо мне.

— Я твоего имени не называл, — сердито прокричал Кармадон, — я!

— И на том спасибо, — сказал Данилов.

— И слово "дуэль" не было произнесено. Все его держали в уме.

"А я заявил о Беке Леоновиче в буфете!" — расстроился Данилов.

— Я ни о чем не жалею, — сказал Кармадон. — И не жалею о том, что нарушил правила и выстрелил, упредив тебя. Ты должен это понять.

Данилов хотел было возразить Кармадону, но подумал, что, действительно, понять Кармадона он может.

— Но надо было стрелять наверняка! — сказал Кармадон. — Тогда бы мне всё простили. И никаких разжалований. Все уважали бы меня! И я бы уважал себя. А выстрел вышел жалкий.

— Ничего себе жалкий! — сказал Данилов. — Ты выпалил в меня тысячью солнц, сжатых в пушечное ядро!

— Жалкий, — сказал Кармадон. — Раз ты существуешь, значит, жалкий. А на большее у меня не хватило сил.

— Тебе виднее, — вежливо согласился Данилов. Потом спросил: — А где секунданты?

— Они были свидетели! — резко сказал Кармадон.

— Это я понимаю, — сказал Данилов. — Однако, прости меня за назойливость, меня волнует судьба Бека Леоновича. За Синезуда не я в ответе, но Бека Леоновича я вовлек в дело, обещал ему, что с ним ничего не случится…

— Я привел тебя сюда вовсе не для того, чтобы заниматься судьбой домового!

— Это ничего не меняет, — твердо сказал Данилов.

— Ну, ладно! Сгинули они. И возможно, они улетели в черную дыру, о которой ты умалчиваешь. Теперь, скорее всего, они в иной вселенной, с нами никак не связанной. Но если у тебя есть возможности, попробуй вернуть их оттуда.

— Попробую, — сказал Данилов, будто бы не заметив издевку Кармадона.

— Но вдруг им там теперь приятнее, чем здесь?

— Может быть, — кивнул Данилов.

— И кончим о них! — сказал Кармадон.

Кубок его опять был полный. Пил Кармадон жадно, жидкость лилась на серый замшевый камзол. Данилов старался не смотреть на Кармадона. Видеть его изуродованное лицо было ему неприятно.

— А та женщина... Как она? — спросил Кармадон.

Данилов был уверен: Кармадон говорил о Наташе. Он все время опасался, что их слова кому-то слышны, хотя и полагал, что Кармадону нет резона иметь свидетелей их беседы, и, наверное, он выбрал место действительно укромное и потайное. Но тут Данилов поневоле ощупал глазами все углы готического подвала.

— Не бойся, — громко сказал Кармадон. — Нас не слушают. Я знал, куда тебя привести.

"Может, оно и так, — подумал Данилов, — а может, и нет..."

— Я ведь тогда не шутил, — сказал Кармадон. — И тебя я не испытывал. Я думал, у тебя к ней легкое отношение. А мне она была на самом деле необходима.

— Оставим эту тему, — хмуро сказал Данилов.

— Я и теперь думаю о ней, — произнес Кармадон.

— Полагаю, что дальше вести беседу бессмысленно, — сказал Данилов.

Кармадон опять опрокинул кубок.

— Да, я понимаю, — выкрикнул он, — это не по-мужски! Да, я жалок, я слаб! Моим девизом было: "Ничто не слишком!", но где уж теперь — "Ничто не слишком!". Помнишь наш разговор в Останкине?

Данилов сидел напряженный: он думал сейчас лишь о том, не повредит ли их беседа Наташе. Слова Кармадона слушал рассеянно. Он понял только, что Кармадон спросил его о чем-то, и кивнул на всякий случай.

— Я говорил тогда, — сказал Кармадон, — от познания — бессилие. От познания! Ты спорил со мной.

— Ты просил забыть о том разговоре.

— И я не забыл, — сказал Кармадон. — И ты вряд ли мог забыть.

— Да, я помню, — согласился Данилов. — Но у меня пока не было случая убедиться в твоей правоте. Теории же меня волнуют мало.

— Ты молод!

— Я твой ровесник!

— Ты молод! Асы стареют раньше. Ты тихо сидишь на своей планете. А со сколькими цивилизациями и неживыми системами пришлось столкнуться мне! Чего мне это стоило! Сколько я узнал!

— Но ведь ты и при выпуске из лицея был одарен Большим Откровением, — осторожно вставил Данилов.

— В том-то и дело, — выпалил Кармадон, — что многое из того, что я узнал, вовсе не совпадает с Большим Откровением!

Кармадон тут же замолчал, и теперь он, как раньше Данилов, огляделся по сторонам, нет ли кого.

— И забыл я подробности Большого Откровения, — добавил Кармадон уже не столь решительно, как бы даже смирно.

Но очень скоро он опять стал нервен и громок.

— Я устал от знаний, но ничего не могу с собой поделать. Я жаден попрежнему. Даже если я перейду в увечные воины и буду разводить мандрагору, то и тогда, наверное, я не успокоюсь. Вот и сейчас я попал в цивилизацию элементарной частицы — по вашим земным понятиям элементарной — и там кручусь, как заведенный. Я должен вернуться в асы со спецзаданием. И кривое лицо мне без нужды! Но мне следует доказать, что я все тот же. Что я тверже прежнего и злее прежнего. Однако попробуй смути цивилизацию этой мелкоты! Поверни ее ход! Да они, эти невидимые вам крошки, тоньше и педантичнее многих существ, с которыми мне приходилось связываться. Надо понять их суть и все их оттенки. А они ни на кого не похожие. И стало быть, опять входит в меня знание, знание, знание! И порой такое знание, от какого дрожь во внутренностях! Я отравляюсь знанием и слабею! «Ничто не слишком!» Куда там!.. И очень может быть, что я опозорюсь в микрокосмосе и не вернусь в асы.

Я и теперь опозорен: ты существуешь и не смят мною, а у меня кривая рожа!

Он опять уронил голову на руку и затих.

Секундами раньше Данилов вспомнил о Большом Синем Быке, вспомнил о том, как он, Данилов, просовывал кость в трещину в хрустальном своде и как почесывал ею животному спину. Он хотел было узнать, ради чего Кармадон собирался побыть на Земле синим быком, но спросить об этом теперь не решился.

Кармадон почувствовал его мысли, голову поднял.

— Да! Да! Я хотел там влезть в шкуру самого Синего Быка, ощутить себя супердемоном, чтобы знать, как двигаться дальше, но что из этого вышло!.

Он замолчал, потом заговорил уже о другом:

— Каждая стихия — первооснова для чего-то другого, с ней связанного, но иного, непохожего, — сказал Кармадон. — Земля, в смысле почва, — для деревьев и растений, вода — для минералов и камней, эфир — для ветров, снега, дождей. Одно преобразуется в другое. И я — стихия. Но для чего первооснова я?

Слова Кармадон произносил Данилову знакомые. Похоже, Данилов когда-то читал их в лицейских научных пособиях. Наверное, тогда они казались ему наивными и от его интересов далекими. Но Кармадон имел свои взгляды на мир, и что же было относиться к ним с пренебрежением?

— Для чего первооснова я? — говорил Кармадон. — Выходит, что и я должен рано или поздно преобразоваться в нечто. Но во что?

— Почему вдруг преобразоваться? Это вовсе не обязательно...

— А-а-а! Что ты знаешь! — сказал Кармадон. — И потом, у тебя — свой случай. У меня — свой. Я чувствую, что когда-нибудь преобразуюсь. Но во что? Неужели моя буйная стихия станет чистым бессилием? Или вишневой косточкой? Или оскопленным бараном? Или винтом водяного насоса? Или оплавленным куском молибдена?

"Однако... — подумал Данилов. — Прежде он так никогда не отчаивался..."

— Это нервы, — сказал Данилов. — Житейские и служебные неприятности, отсюда и нервы.

— Какие у нас нервы, ты что, — поморщился Кармадон. — Это у вас, на Земле, нервы... Или вот... Порой какой-нибудь цивилизации из-за нетерпения или еще по иной причине устроишь такую встряску, что ужас, с потопами и извержениями, с моровыми поветриями, со взрывами губительных веществ, с кровью, с сожжением столиц, с ненавистью братьев друг к другу, со страданием мысли, но оставишь жизнь — и потом всё, — не сразу, постепенно, —
но обязательно расцветает мощно и пышно, как злак на перегное... Будто бы я дал толчок развитию, какое хотел замедлить... Так нужны ли эти встряски? И кому? Мне? Им? Сейчас — встряска, огонь и кровь, а потом противные нам

плоды, противное нам развитие, цветы и краски, музыка...

— Не преувеличиваешь ли ты возможности Девяти Слоев, — сказал Данилов; — Не сами ли цивилизации обязаны себе встрясками?

— Даже если и преувеличиваю... Зачем мы со своими стараниями и соблазнами? И кто мы? Все эти существа и неживые системы — при нас? Или мы — при них? Мы что-то утверждаем или чему-то вредим? Необходимо ли наше присутствие в мире, и в чем она, необходимость? Или это все игра и пустая суета? Я запутался...

— А ты считаешь, что располагаешь знанием.

— Да, я располагаю слишком многими знаниями. А то, что я пока не понимаю, я желаю, пусть и помимо своей воли, понять... Стало быть, и опять приходит знание... Это мучительно... Я слабею! Я становлюсь равнодушнее к идеалам, которые вели меня по моей дороге! Или я уже вступил на чужую дорогу? Нет, я просто обессиливаю... Ты сидишь тут живой, а я перекошен.

— Ты повторяешься, — сказал Данилов. — Что же касается твоих сомнений, то я не смогу стать тебе советчиком или оппонентом. У меня свой взгляд на вещи. Ты же в своих мнениях сейчас вряд ли поколеблешься.

— А мне и не нужен ни советчик, ни оппонент, — сказал Кармадон.

— Зачем ты привел меня сюда?

— Я сам не знаю, зачем. Может быть, для того, чтобы было перед кем выговориться. Я одинок. Родственники мои и мои влиятельные приятели хотя и сделали все, чтобы слово "дуэль" не было произнесено, холодны теперь ко мне, если не брезгливы. Это деловые демоны. Мой ученый брат Новый Маргарит считает, что меня нет. А ты хоть по сути дела и никто, — так, демон на договоре, и для меня сейчас личность посторонняя, а может быть, именно и потому, что посторонняя, — тут вполне уместен. Я пустил слезу, я был жалок, но мне стало легче. Может быть, я скоро забуду об этой слезе. И никто мне о ней не напомнит. Сейчас ты при мне. А скоро сгинешь.

— Ты в этом уверен? — спросил Данилов.

— Уж раз тебя вызвали такой повесткой...

Данилов хотел было возразить Кармадону, сказать, что вызвали-то его вызвали, но держат не в карцере, а в приятной комнате с платяным шкафом и часами-ходиками, и гулять дают, — может, все обойдется и без крайнего исхода... Потом он вспомнил, как Кармадон обещал устроить его при своей канцелярии и тем спасти от разборов и расправ. Но что было сейчас вспоминать об этом.

— Ты знаешь о моем деле что-либо новое?

— Знаю... И вряд ли бы я смог тебе помочь.

— Я и не стал бы утруждать тебя, — холодно сказал Данилов.

— Твое дело... Твое...

Кармадон поднял кубок, но теперь уже как бы нехотя, как бы неволя себя. Потом сказал:

— Ну, все. Прощай. Не будь слишком откровенным с Уграэлем. Его смотрят на твое место. Всё. Иди. Прощай.

— Прощай, — сказал Данилов.

Он встал, несколько мгновений стоял в нерешительности, не зная, куда идти. Брать свечу и взбираться по лестнице?

— Данилов, — сказал вдруг Кармадон. — Ты хотел бы иметь детей?

— Детей? — удивился Данилов. — Хотел бы...

— А я не хочу.

— Отчего же?

— Я не могу передать им никаких нравственных ценностей!

"Вот тебе и раз!" — только и мог подумать Данилов.

— Да и не будут, видно, уже у меня дети-то, — горестно и тихо произнес Кармадон. Но тут же как бы спохватился и сказал грозно: — Все! Прощай!

Сразу же словно бы взорвалась бочка с порохом, готические своды исчезли в огне и дыму, и Данилов понял, что находится в двух шагах от входа в буфет.

(продолжение предполагается)

Владимир ОРЛОВ

ШЕВРИКУКА, ИЛИ Любовь к привидению

Роман

(третья часть триптиха "Останкинские истории": "Альтист Данилов", "Аптекарь", "Шеврикука")

26

Днем Шеврикука из окон Уткиных наблюдал движение по двору Крейсера Грозного. Обняв за плечи любителя марафонских пробегов Такеути Накаяму, Сергей Андреевич Подмолотов просвещал японца. За ними следовал или, скорее, понуро плелся освобожденный от исторической фанеры бывший

Продолжение. Начало в № 16.

соцсоревнователь Свержов. Дударев отсутствовал, а желание узнать, вывел ли Крейсер Грозный Дударева на покровское привидение, у Шеврикуки не возникло.

В половине двенадцатого Шеврикука в квартире бакалейщика Куропятова задумался: а во что тень Фруктова одеть. Он уже забыл, какой у Фруктова был гардероб. Костюм, а может, и два костюма Фруктов, несомненно, имел из-за необходимости ходить в присутствие. Но Радлугина вид Фруктова в костюме и при галстуке, пожалуй, мог ввести в заблуждение: а вдруг успехи отечественной науки таковы, что она и давнего покойника способна поставить на ноги. И другие люди, верящие в ваучер, присоединились бы к такому мнению. А Шеврикуке требовалось именно привидение. В простыню, что ли, его завернуть и снабдить тихим мерцанием? Опять же Радлугин Фруктова в простыне и в тихих мерцаниях мог бы просто не признать. Но ведь был у Фруктова ношеный махровый халат и были стоптанные шлепанцы.

Бакалейщик Куропятов уже спал. Шеврикука неслышно прошел к стене, возле которой на несуществующем нынче диване упокоился прежний квартиросъемщик и ради упражнения прикинулся Фруктовым в махровом халате и шлепанцах на босу ногу. Затем он направился в ванную и взглянул в зеркало. Волосы у Фруктова должны быть взлохмачены, посчитал Шеврикука, а щеки неделю не бриты. Теперь найденный облик можно было передать тени,

самому же невидимым гулять рядом с ней. Но сразу же выяснилось, что самому прикинуться Фруктовым было проще, нежели обрядить тень и тем более управлять ею. Голова тени Фруктова вздрагивала, дергалась, конечности же его - руки и в особенности ноги - еле двигались, халат вот-вот мог свалиться с плеч, и Шеврикука покрепче стянул на животе тени похожий на веревку пояс. "Ну пусть для начала изображение будет смутным", - решил Шеврикука, при этом будто бы делая чему-то уступку. С усилием он подвел тень Фруктова к ложу Куропятова и повелел ей пощекотать травинкой ушную раковину бакалейщику. Куропятов зашевелился, замычал, приподнял голову, потряс ею, желая отогнать муху, открыл глаза, уставился на Фруктова, пробормотал: "Дробленый рис... Рис дробленый... Мешок... Два мешка...", голову уронил и заснул. Удивило Шеврикуку то, что губы Фруктова вздрогнули и даже был выдавлен звук, а рука тени поднялась к переносице и стала ощупывать ее. Более нарушать забвение Куропятова Шеврикука не стал и сквозь жилище Мити Мельникова опустил тень Фруктова в квартиру Радлугиных.

Супруга Радлугина почивала, а сам Радлугин наблюдал политические дебаты. При свете ламп и скандальном шуме телевизора проходы вблизи Радлугина тени Фруктова не вызвали в добродетельном гражданине никаких чувств. Раздосадованному Шеврикуке пришлось, хотя это было противу правил, погасить свет и

убавить звук телевизора. Он сейчас же учинил громыхание посуды и металлических предметов на кухне и в коридоре, Радлугин вскочил в недоумении, тогда Шеврикука и направил ему навстречу тень Фруктова. Загубленный чиновник в махровом халате трудно, совершая судорожные движения, набрел на Радлугина, рухнувшего в кресло, и спросил: "Где мои очки?" Сначала зашевелились его губы, опять раздалось некое сипение и клокотание, но следом было произнесено внятное: "Где мои очки?" Совершенно неожиданно и для Шеврикуки. О том, что Фруктов носил очки, он, оплошав, забыл. Радлугин взвыл, в испуге глядел на смутно-белое, направленное ему в грудь (руку? палец?), и потом стал стремительно уверять, что он честный, что очки в доме не держит, что чужие очки не брал, не берет и не будет брать. "Где мои очки? - угрюмо повторял Фруктов. - Где мои очки?" В дверном проеме появилась супруга Радлугина в розовой ночной рубашке, и она дрожала. "Отдай ему очки! - попросила Радлугина. - Отдай!" Соединив взглядом жену с существом в халате на голое тело, Радлугин воскликнул: "Он от тебя! Он был у тебя! Он был с тобой!" "Что ты говоришь! - стала всхлипывать супруга. - Это же Фруктов! Ты что, не видишь? Он пришел за очками!"

"Очки! Где мои очки?" - настаивал Фруктов.

Шеврикука растерялся. Семейная драма ему была не нужна. Радлугин, похоже, мог не поверить жене, а следовательно, не поверить и в привидение. Удивляло его и то, что тень Фруктова своевольничала и будто не слышала его, Шеврикуки, указаний. "Очки, очки! - ворчал про себя Шеврикука. - Я тебе устрою сейчас очки!" Между тем Радлугин сумел подняться из кресла и, отстраняя от себя докучливого просителя, направился к жене. И он был словами не богаче Фруктова: "Ты с ним? Он у тебя! Как ты могла!" "Как ты можешь! - всхлипывала супруга, но уже и в ней воссоздавалась воительница. - Очнись! Выколоти из себя дурь! Погляди глазами! Это же Фруктов!"

"Нет, надо его отсюда уволакивать!" - сообразил Шеврикука. Он возвратил свет лампам и звук программе "Новости", но Фруктова сразу не убрал, а сердито провел его между супругами, заставил перед Радлугиным остановиться и постоять в назидательной позе секунды три. Затем Фруктов исчез с глаз Радлугина долой, и громкие недоумения в квартире возобновились.

Уверенности в том, что впечатление произведено, у Шеврикуки не было. Своеволия тени его чрезвычайно раздосадовали, и он чуть ли не прогнал Фруктова еще по нескольким квартирам своих подъездов, преимущественно уже темных. При этом он позволял тени

натыкаться на предметы и производить шумы. Допустил он тень Фруктова, между прочим, и в жилища Легостаевой, иначе Денизы, и Крейсера Грозного. Дениза не проснулась, а Крейсер Грозный вскочил с койки, вскричал: "Ба! Да это же Фруктов!" - обнял тень так, что в ней захлюпало, и спросил: "Ты что, сосуд принес? Но уж поздно!" Тень ответила: "Я непьющий. Где мои очки?" Крейсер Грозный сказал: "Вон там валяются чьи-то. Может, и ваши. Я не помню. А может, и японские". Тень бросилась в указанное место, подняла очки, надела их и рассмеялась. "Ну все! - сказала тень Фруктова. - Теперь я этого так не оставлю!" Шеврикука хотел бы знать, чего тень Фруктова не намерена оставить, но ему пришлось лишь выстраивать догадки. Гулянье тени по этажам Шеврикука прекратил. Был в раздражении. "Ослаб, что ли, я? - думал. - Или не выспался?" И повелел себе спать.

(продолжение предполагается)

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ*

Татьяна ТОЛСТАЯ

Кысь

Copyright: Татьяна Никитична Толстая
Email: ttolstaya@hotmail.com
WWW: http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/
Толстая Т.Н., "Кысь". — Роман. — М., "Подкова"; "Иностранка", 2000. — 384 стр.
ISBN 5-8951701243 (Издательский Дом "Подкова")
ISBN 5-94145-001-X (Издательство "Иностранка")
УДК 300.36 ББК 15.56 йТ.

Содержание:

Аз
Буки
Веди
Глаголь
Добро
Есть
Живете
Зело
Иже
И краткое
И десятиричное
Како
Люди
Мыслете
Наш
Он
Покой
Рцы
Слово
Твердо
Ук
Ферт
Хер
Ща
Ци
Червь
Ша
Ер
Иры
Ерь
Ять
Фита
Ижица

Продолжение. Начало в № 10.

ФИТА

- Папа жалуются, что ты от него отсаживаешься, за столом-то. Обижаешь папу-то...

- Пахнет от него, вот и отсаживаюсь.

- Пахнет! Ишь! Чем же это тебе пахнет?

- Покойником пахнет.

- Но дак а чем же. Не тульпаном же ему пахнуть?

- А мне противно.

- Но дак и что? Это по работе!

- А я не хочу. Пусть не пахнет.

- Скажите, какой нежный.

Бенедикт отвечал рассеянно, привычно, не подымая глаз, - он сидел за просторным столом, в светлой палате Красного Терема. На потолке, - помнил и не глядя, - роспись кудрявая, цветы да листья. Которые ржавью наведены, - те вроде коричневые; которые тертыми ракушками, - зелененькие, ну а синим камнем если, - так те аж синие. Лепота! Свет широко входит в зарешеченные окна, на дворе лето, травы да цветы, и на потолке всегда лето. Бенедикт ел сладкие жамки и читал журнал "Коневодство". Спокойно читал, с удовольствием: журналов этих цельный коридор, на весь век хватит. Вот почитает из журнала, а потом "Одиссею" немножко, потом

Ямамото какое, или "Переписку из двух углов", или стихи, или "Уход за кожаной обувью", а то Сартра, - чего захочет, то и почитает, всё тут, всё при нем. На веки веков, аминь.

Делами государственными заниматься совершенно не хотелось: скукотища. Дали голубчикам свободы, дали им Указы, - чего еще народу нужно? Даже Инструкции дали, уж чего больше? Работай — не хочу.

Оборону укрепить - укрепили: заборы, частоколы, тыны, - всё как могли подправили, залатали, дырья позатыкали тряпками, ветошью, у кого что. Враг не пройдет, разве что через Екиманское болото, дак на то оно и болото, чтоб не пройти. Кто ж в своем уме через болото сунется?

Кохинорскую слободу сначала думали от города особым забором отгородить, чтоб они к нам не совались, но потом еще раз подумали и постановили: не-а, ни пяди земли не отдадим.

Неделю заседали, решали вопрос: ежели вступим в вооруженный конфликт с иноземным государством, да и победим, - а есть ли оно где, про то неведомо, - какой ясак брать с побежденных голубчиков: каждодневный али понедельный, али, может, ежеквартальный?

Високосный год, ясное дело, отменили на веки вечные.

Особо указали, чтобы чародеям, ворожеям, зелейникам, обаянникам, кудесникам, сновидцам, звездочетам, ведунам,

лихим бабам, и тем, кто чакры открывает-закрывает, - ни-ни, ни Боженька мой, ни в коем разе не заниматься волхованием в частном порядке. Всем колдунам, а особо облакопрогонникам, считаться государевыми людьми и всегда спать в одежде в ожидании срочного вызова.

Титло тестю длинное, парадное разработали: в казенных бумагах велено стало называть его: Кудеяр-паша, Генеральный Санитар и Народный Любимец, жизнь, здоровье, сила, Теофраст Бомбаст Парацельс-и-Мария и-Санчес-и-Хименес Вольфганг Амадей Авиценна Хеопс фон Гугенгейм.

Тетеря захотел называться Петрович-сан, Министр Транспорта и Нефтедобывающей и Нефтеперерабатывающей Промышленности. А что это значит? — а это значит, что он воду пинзин с-под земли велел ведрами да ушатами всю повычерпать да в подвал перетаскать. А вода красивая, ничего не скажешь, поверху словно радугой отливает. Но на вкус поганая, да и запах не очень. И над всей тягловой силой, над всеми перерожденцами он Главный.

А Оленька с Февронией никак называться не захотели, а только нарядов себе навертели, чтобы каждый раз в новом платье на публичные казни ездить: на колесование, али усекновение языка, али еще что.

Скушно.

- ...Дак папа обижаются, говорят, ты морду воротишь. Бенедикт! Ты морду-то не вороти!

- Пошла вон. Я читаю.

Бенедикт подождал, пока вся Оленька, целиком, без остатка, выйдет в широкие двери. Сбила с мысли, сволочь.

- Я смотрю, ты от меня морду воротишь, - сказал тесть.

- Глупости.

- А ведь мы друзья навек. Клятва дадена.

- М-м.

- Куда ты, туда и я. От книги-то оторвись!

- Ну что, что?

Семья сидела за столом, ела канареек-гриль и смотрела на Бенедикта с неудовольствием, - все, даже Петрович-сан. Дети, Пузырь и Конкордия, ползали под столом, скребли пол когтями.

- Перестановки я задумал во властных структурах, мил-человек.

- Да на здоровьичко.

- Двигатель внутреннего сгорания мы тут с Петровичем задумали спроворить. Пинзин есть, искру я глазами буду, остальное - в рабочем
порядке.

- Бог в помощь. Я тут при чем?

- Консолидация нужна небольшая, - ввинтился Петрович-сан.

- У меня нету.

- Эть!.. Подмога, подмога нужна!

- Главного Истопника извести желаю, - сказал тесть.

Бенедикт подумал, что ослышался, заложил книгу пальцем, вытянул шею.

- Куда извести?

- Куда, куда, - казнить! Уши-то протри! - вспылил тесть. - Совсем зачитался, в бумажках зарылся, государство забросил, а еще Зам! Казнить его желаю, как вредный пожароопасный элемент! В согласии с Государственным Указом, вступившим в силу еще эвон когда! И экономике от него урон: народ распустился, печи даром зажигают, никто огневой налог не платит!

- Нам теперь с бензином открытого огня держать никак нельзя, - подтвердил Тетеря, - это я как Министр Нефтедобывающей и Нефтеперерабатывающей заявляю. Мы ж теперь страна ОПЕК. Нам про экспорт думать надо, а не хухры-мухры.

- Да еще он раскопки вредные делает, под государство подкапывается. Утром встанем, а страна и провалимши.

- И столбы ставит, мешая свободному проезду, это уж я как Министр Транспорта.

- Революция продолжается, тут и рассуждать нечего, - сердито сказал тесть. - За чистоту рядов надо постоять? - надо. Я ж медицинский работник, не забывай. Мы, медицинские работники, знаешь, какую клятву даем? Не вреди. А он вредит. Ну?! Так что давай, по-

быстрому, съезди, свяжи его веревкой. К столбу там или куда примотай, только покрепше. Я бы людей послал, да он же хыхнет - и отобьется. А на тебя не хыхнет.

- Не позволю казнить Никиту Иваныча, что такое?!?! - закричал Бенедикт. - Старый друг... ватрушки пек, пушкина вместе долбили, и... это... вообще!!!

Про хвост афишировать не стал.

- Позволю - не позволю, твово разрешенья никто не спрашивает! - закричал и тесть. - Ты Зам по морской и окиянской обороне, а энти дела сухопутные! Двигатель построим, по дорогам ездиить будем! Твое дело его доставить, чтоб не убежал!

- А хрен вам в жопу заместо укропу!

- Ах, так?! Космополит! - крикнул Тетеря, толкая стол.

- От косматого слышу! Чучело четвероногое!

- Ты как с Министром разговариваешь?! - тесть перегнулся и вырвал из Бенедиктовых рук книгу, шваркнул об пол, листы рассыпались.

- Блин!.. А вы, папа, вообще вонючка!

- Ах, так?! А ну! - тесть рывком бросился через стол, роняя посуду, хватая Бенедикта цепкими, холодными руками за горло. - А ну, повтори! Повтори, говорю!!! Щас я тебя огнем-то...

И, натужив глаза, начал жечь Бенедикта желтым, холодноватым, царапающим пламенем.

- Кончайте безобразие! При детях! - прикрикнула теща.

- Контролируйте себя, папенька!

- Чего вы вообще?.. Вы вообще... вы... вы... вы - кысь, вот вы кто!!! - крикнул Бенедикт, сам пугаясь - вылетит слово и не поймаешь; испугался, но крикнул. - Кысь! Кысь!

- Я-то?.. Я?.. - засмеялся тесть и вдруг разжал пальцы и отступил. - Обозначка вышла... Кысь-то - ты.

- Я-а?!?!?!

- А кто же? Пушкин, что ли? Ты! Ты и есть... - Тесть смеялся, качал головой, разминал затекшие пальцы, погасил в глазах свет, - только красноватые огни перебегали в круглых глазницах. - А ты в воду-то посмотрись... В воду-то... Хе-хе-хе... Самая ты кысь-то и есть... Бояться-то не надо... Не надо бояться... Свои все, свои...

Теща тоже засмеялась, Оленька захихикала, Терентий Петрович-сан осклабился. И детки бросили скрести пол, подняли плоские головки и взвизгнули.

- В воду посмотрись...

Бенедикт бросился вон из горницы; семья смеялась ему вслед.

Что говорят-то! Что сказали-то!.. Вот амбар, вот бочка с водой, - заслонясь руками от света, всматривался в темную, пахнущую тиной воду. Нет, вранье! Ложь!!! Видать плохо, но видно же: голова же круглая, хоть волосья и поредевши; уши же на месте, борода, нос там, глаза. Нет, я человек! Человек я!.. Да! Хрен вам!..

Ополоснул морду водой: кожа горела, саднила там, где тесть жег ее лучами, и на ощупь стало шероховато, вроде как мелкие волдыри, али сыпь. Вдруг подступила тошнота, как если б сыру поел. Отбежал к двери, вырвало на косяк. Желтым чем-то. Это от канареек, должно. Переел канареек. Фу-у, слабость.

...Пройтись надо, а? Продышаться. Сто лет пешком не ходил. Из городских ворот. Цыкнуть на стражу. Под горку. К реке. Через мосток - в лес, и дальше, дальше, по колено, по пояс, по плечи в траве, туда, где цветы и мухи, и потаенная поляна, и медовый ветер, и белая Птица... Ага, жди...

...Брел, волочил лапти на отвыкших, квелых ногах и знал ясным, вдруг налетевшим знанием: зря. Нет ни поляны, ни Птицы. Вытоптана поляна, скошены тульпаны, а Паулин, - что ж, Паулин давно поймана силками, давно провернута на каклеты. Сам и ел. Сам и спал на подушках снежного, кружевного пера.

Знал, - а все же брел, брел, почти равнодушно, как перед смертью, или сразу после смерти, когда все уже совершилось и ничего не поправишь, - брел мимо полей, засаженных синеватой репою, по оврагам с отвалами красной глины, через канавки и бочажки с червырями, тяжело всходил на холмы, оскальзываясь на разросшихся грибышах, - далеко было видно с холмов: поля, и снова поля, с прополотой и непрополотой

репой, и новые овраги, и темные перелески, где таится слеповран, и неправдоподобно далекие дубравы с огнецами, и еще поля, куда хватало глаза. Туго и тепло дуло ветром родины, серенькие облака мутили небосвод, а на горизонте синей стеной стояли облака темные, готовые расплакаться летними ливнями.

В зарослях ломких августовских хвощей нашел зеркальце темной воды, еще раз как следует обсмотрел свое отражение. Пощупал уши. Обычные. Глупости семья говорит. Глупости. Обхлопал щеки, - на ладонях сукровица от полопавшихся волдырей. Ладони тоже обычные, шершавые; через всю ладонь, с переходом на пальцы - широкая мозоль от крюка. Снял лапоть, проверил ногу: и нога обычная, сверху белая, понизу темноватая от грязи, так на то она и нога. Живот. Зад. Ни тебе хвоста, ни...

...Так. Минуточку. Хвост. Был же хвост. Был, блин, хвост. А у людей вроде не должно... Так что же?..

Опять стошнило, опять канарейками. Нет, я не кысь. Нет!!!

...Нет, ты кысь.

Нет!

...Вспомни-ка.

Нет! Не хочу! Так не бывает! Я сейчас пойду, я побегу домой, в кроватку, в належанное тепло, к книжечкам моим ненаглядным, к книжечкам, где дороги, кони,

острова, разговоры, дети с санками, веранды с цветными стеклами, красавицы с чистыми волосами, птицы с чистыми глазами!..

...Ах, зачем, Бенедикт, ты с мово белого тела каклеты ел?

Я не хотел, нет, нет, нет, не хотел, меня окормили, я хотел только пищу духовную, - окормили, поймали, запутали, смотрели в спину! Это все она - нет ей покою... Подкралась сзади - и уши прижаты, и плачет, и морщит бледное лицо, и облизывает шею холодными губами, и шарит когтем, жилочку зацепить... Да, это она! Испортила меня, а-а-а-а, испортила! Может, мне все только кажется, может, я лежу у себя в избе с лихорадкой, в матушкиной избе; может, матушка надо мной склонилась, трясет за плечо: проснись, проснись, ты кричал во сне! Боже, да ты весь мокрый, — проснись, сынок!

Я только книгу хотел, - ничего больше, - только книгу, только слово, всегда только слово, - дайте мне его, нет его у меня! Вот, смотри, нет его у меня!.. Вот, смотри, голый, разутый, стою перед тобой, - ни в портянке не завалялось, ни под рубахой не таю! Не спрятал подмышкой! Не запуталось в бороде! Внутри, - смотри - и внутри нет его, - уж всего вывернуло наизнанку, нет там ничего! Кишки одни! Голодно мне! Мука мне!..

...Как же нет? А чем же говоришь, чем плачешь, какими словами боишься, какими кричишь во сне? Разве не бродят в тебе ночные крики, глуховатое вечернее

бормоталово, свежий утренний взвизг? Вот же оно, слово, - не узнал? - вот же оно корячится в тебе, рвется вон! Это оно! Это твое! Так из дерева, из камня, из коряги силится, тщится наружу глухой, желудочный, нутряной мык и ныk, - извивается обрубок языка, раздуты в муке вырванные ноздри. Так гуняво гундосят заколдованные, побитые, скрюченные, с белыми вареными глазами, запертые в чуланах, с вырванной жилой, с перекушенной хребтиной; так, верно, и пушкин твой корячился, али кукушкин, - что в имени тебе моем? - пушкин-кукушкин, черным кудлатым идолом взметнувшийся на пригорке, навечно сплющенный заборами, по уши заросший укропом, пушкин-обрубок, безногий, шестипалый, прикусивший язык, носом уткнувшийся в грудь, - и головы не приподнять! - пушкин, рвущий с себя отравленную рубаху, веревки, цепи, кафтан, удавку, древесную тяжесть: пусти, пусти! Что, что в имени тебе моем? Зачем кружится ветр в овраге? чего, ну чего тебе надобно, старче? Что ты жадно глядишь на дорогу? Что тревожишь ты меня? скучно, Нина! Достать чернил и плакать! Отворите мне темницу! Иль мне в лоб шлагбаум влепит непроворный инвалид? Я здесь! Я невинен! Я с вами! Я с вами!

...Весь мокрый, с головы до раскисших лаптей, Бенедикт барабанил в двери Красного Терема, зная, что не впустят, нарочно не

впустят, заперлись на засовы, знают, чем взять. Лило, как только в августе льет, бурным, пенящимся потоком, прочищающим дворы от мусора, от щепы, от очистков, - мутная пена крутит ошметки и выносит под ворота, на улочки, вон из слободы. Высоко вверху Оленька растворила окно, выкрикнула матерное, вышвырнула вразлет дюжину книг, - на, почитай! - и захлопнула створки. Бенедикт грудью кинулся, спасая, подбирая, обтирая, - убить гадину, - но раскрылось другое окно, и Терентий Петрович, Министр Нефтеперерабатывающей, в свой черед сбросил белоснежные, с картинками и папиросной на них бумагою, редчайшие... не успел подхватить, сокровища чвакнулись в мусороворот, хлюпнули и поплыли, вертясь... а там уж и Кудеяр Кудеярыч сильными бросками с верхнего яруса, один за другим, посылал несравненные экземпляры на смерть; Бенедикт не стал дожидаться конца, конца не предвиделось; приплюснутые рыльца Пузыря и Конкордии уже свесились из окошек, в ручонках пачки журналов; теща маячила сзади, удерживая их за кушаки. Он понял. Понял. Это выбор. Ну-с, кого спасем из горящего дома?

Он выбрал сразу.

(окончание следует)

Иосиф БРОДСКИЙ,
лауреат Нобелевской премии

"Мне скушно, бес..."

А.С.Пушкин

I

Я есть антифашист и антифауст.
Их либе жизнь и обожаю хаос.
Их бин хотеть, геноссе официрен,
дем цайт цум Фауст коротко шпацирен.

II

Но подчиняясь польской пропаганде,
он в Кракове грустил о Фатерланде,
мечтал о философском диаманте
и сомневался в собственном таланте.
Он поднимал платочки женщин с пола.
Он горячился по вопросам пола.
Играл в команде факультета в поло.

Он изучал картежный катехизис
и познавал картезианства сладость.
Потом полез в артезиански кладезь
эгоцентризма. Боевая хитрость,
которой отличался Клаузевиц,
была ему, должно быть, незнакома,
поскольку фатер был краснодеревец.

Цумбайшпиль, бушевала глаукома,
чума, холера унд туберкулезен.
Он защищался шварце папиросен.
888Его влекли цыгане или мавры.
Потом он был помазан в бакалавры.
Потом снискал лиценциата лавры
и пел студентам: "Кембрий... динозавры..."
Немецкий человек, немецкий ум.
Тем более, cogito - ergo, sum.
Германия, конечно, uber alles.
(В ушах звенит знакомый венский вальс.)
Он с Краковом простился без надрыва
и покатил на дрожках торопливо
за кафедрой и честной кружкой пива.

III

Сверкает в тучах месяц-молодчина.
Огромный фолиант. Над ним - мужчина.
Чернеет меж густых бровей морщина.
В глазах - арабских кружев чертовщина.
В руке дрожит кордовский черный грифель.
В углу - его рассматривает в профиль
арабский представитель Меф-ибн-Стофель.

Пылают свечи. Мышь скребет под шкафом.
"Герр доктор, полночь." "Яволь, шлафен, шлафен..."
Две черных пасти произносят: "мяу".
Неслышно с кухни входит идиш фрау.
В руках ее шипит омлет со шпеком.
Герр доктор чертит адрес на конверте:
"Готт, штрафе Ингланд. Лондон, Френсис Бекон".

Приходят и уходят мысли, черти.
Приходят и уходят гости, годы...
Потом не вспомнить платья, слов, погоды.

Так проходили годы шито-крыто.
Он знал арабский, но не знал санскрита.
И с опозданьем, гей, была открыта
им айне кляйне фройляйн Маргарита.

Тогда он написал в Каир депешу,
в которой отказал он черту душу.
Приехал Меф, и он переоделся.
Он в зеркало взглянул и убедился,
что навсегда теперь переродился.
Он взял букет, и в будуар девицы
отправился. Und veni, vidi, vici.

IV

Ich liebe ясность. Ya. Ich liebe точность.
Их бин просить не видеть здесь порочность.
Ви намекайт, что он любил цветочниц?
Их понимайт, что das ist ganze срочность.
Но эта сделка махт дер гроссе минус.
Ди тойчно шпрахе, махт дер гроссе синус:
душа и сердце найн гехапт на вынос.

От человека, аллес, ждать напрасно:
"остановись, мгновенье, ты прекрасно".
Меж нами дьявол бродит ежечасно
и поминутно этой фразы ждет.
Однако человек, майн либе геррен,
настолько в сильных чувствах неуверен,
что поминутно лжет, как сивый мерин,
но, словно Гете, маху не дает.

Унд гроссер дихтер Гете дал описку,
чем весь сюжет подверг а ганце риску.
И Томас Манн сгубил свою подписку,
а шер Гуно смутил свою артистку.

Искусство есть искусство есть искусство...
Но лучше петь в раю, чем врать в концерте.
Ди Кунст гехапт потребность в правде чувства.

В конце концов, он мог бояться смерти.
Он точно знал, откуда взялись черти.
Он съел дер дог в Ибн-Сине и в Галене.
Он мог дас вассер осушить в колене.
И возраст мог он указать в полене.
Он знал, куда уходят звезд дороги.

Но доктор Фауст нихт не знал о Боге.

...

Опять Зептембер. Скука. Полнолунье.
В ногах мурлычет серая колдунья.
А под подушку положил колун я...
Сейчас бы шнапсу... это... апгемахт!
Яволь. Зептембер. Портится характер.
Буксует в поле тарахтящий трактор.
Их либе жизнь и "Фелькиш Беобахтер".
Гут нахт, майн либе геррен. Я, гут нахт.

1965

Пускай исчезнет среди пыльных груд
Истлевших книг твой вдохновенный труд;
След твоего дыханья
в книге мира
Ни вечность, ни забвенье не сотрут.

Э. Ананиашвили

"Что в вымени тебе моём?.."

НЕЗАВИСИМЫЙ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛ

<И Б И С>

№ 42

Изготовлен в редакторе Word 9.0/2000. Выпускается на личные средства издателя. Ориентирован на примерно 108 экранных страниц формата А4 шрифтом Arial 20 полужирным. С иллюстрациями.

Периодичность — в зависимости от наличия высококачественных материалов. В виде ZIP-файла журнал целиком (либо отдельными статьями в виде *.doc-файлов) можно бесплатно получить на E-mail: eugenelev@fromru.com (пароль — academia).

Цена дискеты с одним номером журнала — 30 руб.

С мнением авторов редакция согласна не всегда.

Для правильного чтения с экрана и просмотра рисунков необходимо установить режим разметки страницы («Print Layout View»), 75%, шрифт Arial 20 полужирный ("bold").

Приглашаются желающие публиковаться. Гонорары не выплачиваются, но постоянным авторам гарантируется улучшение кармы. Реквизиты редакции:

Тел.: (095) 493-54-87

E-mail: eugenelev@fromru.com (пароль — academia)

"Следует всеми силами продвигать знания о Тонком мире."

Агни Йога